

ТАТЬЯНА Устинова

— первая среди лучших —

Пороки и их поклонники

Татьяна Устинова

Пороки и их поклонники

«ЭКСМО»

2002

Устинова Т. В.

Пороки и их поклонники / Т. В. Устинова — «Эксмо», 2002

Владимир Архипов спокойно жил в роскошном «холостяцком флэте» с верным мастифом и не собирался ничего менять в своей жизни. Все произошло помимо его воли. Умерла чудачка-соседка Лизавета и оставила ему в наследство квартиру и свою приемную «девочку-сиротку». Сиротка на поверку оказалась взрослой девицей Машей, потрясшей воображение одинокого Архипова. Но почему соседка не оставила квартиру ей? Не потому ли, что на нее претендовали люди из секты «Путь к радости», которые начали осаждать Машу сразу после смерти Лизаветы. Потом на шею Маше свалился сводный брат из провинции, а затем они оба исчезли. Обеспокоенный их исчезновением и мыслями о странной смерти соседки, Архипов посещает «нехорошую квартиру» и находит там труп юриста секты. Как он сюда попал? Кто его убил? Неужели... Маша?

© Устинова Т. В., 2002

© Эксмо, 2002

Татьяна Устинова

Пороки и их поклонники

Когда вы подолгу всматриваетесь в бездну, бездна, в свою очередь, всматривается в вас.

Фридрих Ницше

– Но ведь я точно знаю. – Она понизила голос и придвинулась почти вплотную. Он откинулся на спинку кресла, чтобы она не дышала ему в лицо. – Я знаю совершенно точно, что меня хотят убить!

И она горделиво выпрямилась, чтобы насладиться эффектом, повела очами и даже закинула ногу на ногу – со второй попытки.

«Ох-хо-хо, – подумал Архипов. – Кажется, я попал».

«Кажется, я влюбился, – сообщал один придурок другому в телевизионной рекламе. – Кажется, наш поезд ушел, – отвечал второй, менее романтический придурок».

«Кажется, мой поезд ушел», – вслед придурку решил Архипов.

– Что же вы молчите? – осведомилась она и сняла шикарно закинутую ногу. – Вы думаете?

– Думаю, – признался Архипов.

Он думал, зачем открыл дверь. Сидел бы в кресле, пил пиво и смотрел телевизор. Джентльменский набор, предел мечтаний любого мужчины.

Нет, черт побери, понесло его дверь открывать!

– Вы что?.. – вдруг встрепенулась она. – Вы... быть может... мне не верите?!

Он посмотрел на нее. Лицо, раскрашенное, как у японской деревянной куклы – щеки белые, брови насурьмленные, в ниточку, губки алым бантиком, – выражало искреннее и неподдельное изумление.

– Нет, – сказал он поспешно. Еще не хватало, чтобы она сию минуту начала его переубеждать! – Я вам верю! Только кому может прийти в голову вас... – Он вздохнул. – ...убивать?

– Темным силам, конечно, – объяснила она с некоторым удивлением. – Кому же еще?

– Ах да, – спохватился Архипов. – Темным силам!

Он покрутил в руке стакан и предложил с надеждой:

– Хотите пива, Лизавета Григорьевна?

– Пива? – переспросила она, как будто он предложил ей желчь горбатого единорога пополам с кровью африканского ящера. – Нет, благодарю вас. Я не пью пива. Я пью из родников души.

– Пиво из родников души? – не поверил Архипов.

– Да не пиво! – с досадой воскликнула Лизавета. – Энергию! Вы пьете ваше пиво затем, чтобы заряжать, искусственно подстегивать тело и нервы, а мне этого не требуется. Мне хватает энергии из глубин души. Человеческая душа есть средоточие энергии и вселенских истин.

– Да-а, – протянул Архипов – знаток вселенских истин.

Лизавета снова доверительно придвинулась к нему.

– Если бы вы согласились на простой эксперимент, очень коротенький, то сами убедились бы, насколько глубока энергетика вашей души. Ибо для нашей души нет земных границ, и космическая энергия пронзает...

– Нет, спасибо, – испуганно отказался Архипов, – я уж лучше пива.

Он проворно вскочил с кресла и за спиной у Лизаветы потрусил на кухню.

Темно-синий холодильник «Бош» приветливо осветился, когда Архипов открыл его, и выдал ему еще одну бутылку пива. Бутылка была приятно увесистая и холодная. «Бош», как и Архипов, признавал только одну энергию – электрическую.

Потянув, сколько было прилично, Архипов вернулся в комнату. Он смутно надеялся, что за это время Лизавета куда-нибудь исчезнет из его квартиры, но она не исчезла.

– Образ бога есть у каждого человека, – сообщила Лизавета, едва завидев Архипова с пивом, – и у каждого он свой.

– Ну и что?

– И образ этот в земное стремится воплотиться бытие. – Почему-то теперь ее понесло выражаться высокопарно. Белым стихом, можно сказать.

Архипов пожал плечами и налил пива в стакан. До края поднялась снежная плотная вкусная пена.

В его земное бытие сегодня днем воплотился образ партнера, который решил было увести налево выгодный заказ. Архипов попытался вразумить партнера, но так до конца и не понял, вразумил или нет. Если нет, придется продолжить, чего Архипову совсем не хотелось.

– Так что за темные силы хотят вас убить?

– Сущность разрушения.

Архипов поперхнулся пивом и закашлялся.

– А зачем... сущности разрушения убивать вас?

– Затем, что я связываю вместе три плана бытия.

Архипов решил, что ни за что не станет уточнять, что это за три плана.

В детстве у него была книжка, где маленький мальчик предлагал собаке читать. «Нет, – отвечала собака, – я дом стерегу, поноску несу, за уточкой слежу, воров пугаю. Будет с меня и этого».

Сейчас Архипов думал, как эта собака: «Я сижу, делаю лицо, громко не кричу, ногами не топаю, слушаю. Будет с меня и этого. Вдаваться в подробности – ни за что».

Лизавета подождала, надеясь на бурный всплеск интереса с его стороны, но он отпил пива и продолжал учтиво молчать, глядя мимо нее в угол.

– Я мешаю! – наконец с трагическим пафосом выдохнула Лизавета. – Меня нужно уничтожить. Ведь я многим преграждаю путь!..

– Инопланетянам? – проявил осведомленность Архипов. Как раз вчера он заснул под «Секретные материалы».

– При чем тут инопланетяне? – слегка обиделась Лизавета. – Инопланетяне сейчас заняты своими дисками, им не до нас.

– А что такое у них с дисками? Проблемы?

– Да ерунда, – небрежно ответила Лизавета. – Просто завод, который их выпускал, запрограммирован на выпуск разных изделий. Заводы у них многофункциональные, и сейчас компьютер по ошибке перевел их все на производство шлангов. И производство дисков встало.

– Ужасно, – посочувствовал Архипов.

– Еще бы! – согласилась Лизавета. – И все-таки, Владимир Петрович, что мне делать?

– В смысле производства дисков? Или шлангов?

Лизавета посмотрела на него с печалью и укоризной.

– С моей приближающейся смертью. Я ее не боюсь, но девочка останется совсем одна!

Архипов смутно помнил, что несколько лет назад Лизавета взяла к себе то ли дочь сестры жены двоюродного брата, то ли сестру жены брата троюродного племянника, то ли племянницу тещи шурина, то ли вовсе чужую девчонку. Архипов ее никогда не видел или видел, но не замечал.

– Если не хотите, чтобы девочка осталась одна, вам нужно соблюдать осторожность, – глубокомысленно заметил он. – Не выходить в темное время суток. Может, нервную систему полечить.

– Да разве можно уберечься от сущности разрушения?!

– А что? Нельзя?

Лизавета сокрушенно покачала головой. Архиповская тупость ее ужасала.

Он долил в стакан пиво.

– Так... чем я могу помочь?

– Девочку не оставьте, – просвистела Лизавета и приложила ладони с растопыренными пальцами к щекам. – Если что случится, не оставьте девочку!

– Да ничего не случится! – с досадой сказал Архипов. – Что вы выдумываете, ей-богу, Лизавета Григорьевна! Сколько мы с вами уже беседуем? Минут сорок? И все про сущность разрушения и инопланетные диски!

– А что? – спросила Лизавета и отняла руки от щек.

– Да ничего! Чушь все это!

– Это не чушь, – медленно начала Лизавета, – это истина. Божественная истина.

– Божественная истина в том, что сейчас полдевятого, а у меня еще полно работы.

– Владимир Петрович, вы можете не верить ни в образ бога, ни в сущность разрушения, ни... ни во что, – тут она внезапно горько всхлипнула, как будто Архипов оскорбил ее, но постаралась держать себя в руках. – Я, например, нисколько не верю в ваши элементарные частицы, но я же не говорю вам, что их нет!

Архипов тоже имел об элементарных частицах самое смутное представление, и ему стало стыдно.

Он достал сигареты, но закуривать не стал.

– И все-таки почему вы решили, что вас хотят убить?

– Я чувствую колебания материи, – всхлипывала Лизавета. – В последнее время они стали очень ощутимы. Особенно когда я выхожу из дома.

– И где колебания материи сильнее всего? Вы чувствуете?

Лизавета посмотрела на него. В глазах у нее стояли самые настоящие, чистые и горькие слезы.

«Человек и впрямь может убедить себя в чем угодно», – подумал Архипов.

– Возле Чистых прудов, – призналась Лизавета, – знаете, даже когда я просто стою на балконе и смотрю в сторону Чистых прудов, я чувствую, как начинает вибрировать материя.

– Это потому, что под площадью работает отбойный молоток, – объяснил Архипов глубокомысленно, – там строят подземный гараж. Я вчера ехал с работы в двенадцатом часу и такие колебания материи чувствовал! Думал, выйду из машины, дам по морде этим... колебателям. И не вышел. Наверное, стоило, да?

– Вы все слишком упрощаете, Владимир Петрович. А это, по-вашему, что такое?

И она театральным жестом выхватила из складок своего немислимого одеяния нож. Нож выглядел внушительно, зловеще блестел и был очень похож на хлебный.

– Это? – переспросил Архипов. – Это нож, по-моему.

– Это не просто нож! – Лизавета повернула его лезвием к себе. Лезвие было длинным. – Это средоточение сил зла, идеальное орудие убийства! Посмотрите на эти каббалистические символы!

Действительно, на черной ручке были то ли вырезаны, то ли намалеваны какие-то нелепые знаки.

– А... что это за символы? – От греха подальше он взял у нее нож и стал рассматривать. Рукоятка была пластмассовой, лезвие широким, сталь не слишком тонкой. Архипов поискал надпись «Мейд ин Чина», но с первого взгляда не нашел.

– Это символы смерти, крови и убийства, – отчеканила Лизавета.

Архипов провел пальцем по лезвию: не так, чтобы очень острое, – а потом по рукоятке. Символы оказались даже не нацарапаны, а вырезаны.

– Это вы вырезали?

– Да что вы, Владимир Петрович! Что за кошмар вы говорите! Конечно, нет. Этот нож – предвестник убийства.

– Что значит – предвестник?

– Он предвещает смерть, – сказала Лизавета со сладким ужасом. – Он приходит, и следом приводит смерть.

– А как он к вам... пришел?

– Это тайна, не подвластная людям, – заявила Лизавета гордо. – Никто и никогда не видел, как он появляется. Никто и никогда не слышал звуков, свидетельствующих о его появлении. Порой мистические знаки предшествуют ему, как дождь кровавый или затмение небес.

– Он у вас давно?

– Два дня. Я проснулась утром и нашла его под своей кроватью. Я сразу поняла, что следом идет смерть.

– А мистических знаков что-то не было, – проговорил Архипов задумчиво. – Ни дождя кровавого, ни затмения небес третьего дня не наблюдалось. А? Не наблюдалось, Лизавета Григорьевна?

– Знаки могли быть невидимы.

– Ну конечно! – спохватился Архипов. – Невидимы!

Он еще поизучал нож, а потом осторожно положил его на стол. Рукоятка звякнула, и нож закачался из стороны в сторону. В широкой полоске лезвия отражался свет.

– Меня пытались столкнуть с лестницы, – сообщила Лизавета, пристально следя за его лицом. – Вчера. Я возвращалась из магазина уже довольно поздно, почти стемнело. Я поднялась на лифте, на нашем этаже свет почему-то не горел. – Теперь она говорила очень быстро. – Я спустилась до пятого этажа и стала искать ключ, там было светло. Я долго не могла его найти и наклонилась, чтобы поставить сумку, и в этот миг!.. – Она закрыла глаза. Нож все качался из стороны в сторону. – В этот миг меня схватили за ноги и стали тащить к перилам. Вы знаете нашу лестницу, Владимир Петрович!

Владимир Петрович лестницу знал.

Если чего и боялся Архипов – до судорог в позвоночнике, до холодного пота, до скрученного в спираль дыхания, – так это высоты.

Он не мог смотреть вниз со второго этажа. На третьем у него начиналась тошнота, а с десятого он хотел немедленно броситься вниз, сознавая одно – бездна ждет его.

Притягательная, холодная и волнующая. Предназначенная для него.

Он схватился за пиво, но стакан был пуст. Тогда он быстро закурил, забыв, что Лизавета «не выносит табачный дух».

– И что произошло дальше?

– Дальше... – Она медленно опустила веки с нарисованными синими стрелами, как бы не в силах сопротивляться ужасающему видению, представшему перед ее мысленным взором. – Меня тащили, а я... боролась изо всех сил. Мне стало страшно, но я была уверена, что мой час еще не пробил. Не знаю, почему я была в этом уверена, но знала совершенно точно и...

– Что? – спросил Архипов.

– И мне удалось вырваться и дотянуться до звонка в соседнюю квартиру! У них всегда кто-то есть...

– Знаю.

Эту коммуналку, последнюю в доме, Архипов ненавидел всей душой и все про нее знал. Про нее все соседи все знали.

Трудно было не знать, когда периодически дядя Гриша, коммунальный слесарь, бывший метростроевец, и его жена Сергевна, бывшая ударница пункта утильсырья, занимались воспитанием внуков Кольки и Лехи, в очередной раз водворенных в семью из детского приемника,

а потом начинали праздновать что-нибудь, забывая долупить Кольку с Лехой, и принимались петь.

– Мой... убийца убежал, а я осталась на площадке, и, когда дверь открылась, я сказала, что на меня только что было совершено покушение. Вместе мы осмотрели их лестничную клетку, потом лаз на чердак, и...

– И что?

– Я нашла вот это, – шепотом провозгласила Лизавета.

Архипов посмотрел.

– А что это такое? – спросил он с любопытством. – Круг.

– Я вижу, что круг, – сказал Архипов, – похож на деревянное колесо.

– Это подсвечник, – шепотом продолжала Лизавета и оглянулась по сторонам. – Очевидно, им пользовались во время каких-то тайных церемоний. Если церемонии были посвящены силам зла, значит... Значит, зло вскоре будет здесь.

– Зачем злу подсвечник?

– Никто не знает наперед, в чем сила и в чем слабость состоит.

– Ни сила, ни слабость не могут заключаться в подсвечнике, Лизавета Григорьевна, – сказал Архипов.

Мысль о бездне его отпустила, он вновь стал гладким и трезвым, как дверца холодильника.

Деревянное колесо было пыльным, совсем старым. Кое-где на нем висели длинные капли засохшего мутного воска. Архипов попытался определить цвет, и ему показалось, что белый. Сколько лет оно валялось на чердаке?

Дом был построен при отце народов Иосифе Виссарионовиче, известном любителе большого строительства.

Вполне возможно, что какой-нибудь бедолага или, наоборот, счастливцев, получив здесь квартиру, перевез из арбатского домика, предназначенного на слом, весь свой скарб. В том числе и деревянный подсвечник из сельской церковки, где его дед служил протодьяконом. Дед-протодьякон нес в семью все, что могло пригодиться в хозяйстве, и деревянный круг принес. Вот этот самый.

– Почему вы решили, что он оказался на чердаке недавно?

– Потому что это обрядовая вещь, и она тоже несет в себе силу смерти!

– Господи! – взмолился Архипов. – Ну что вы говорите! Вы же взрослая, умная женщина, Лизавета Григорьевна! Ну, какая еще сила смерти?! Деревянное колесо!

Лизавета помолчала и пожевала губами.

– Значит, вы мне не верите? – сделала она неожиданный вывод.

– Ни единому слову, – признался Архипов, – вы уж простите. Нож ваша внучка могла найти в песочнице и по глупости притащить домой. Подсвечник лежал у нас на чердаке с тридцать восьмого года. На лестнице. – Тут вдоль позвоночника его опять продрал мороз. – На лестнице у вас просто закружилась голова, и вы чуть не упали. Я сто раз говорил, что нужны сетки. На следующей неделе куплю и поставлю!

– Значит, не верите? – уточнила она.

– Простите, Лизавета Григорьевна!

– Девочку не оставьте, – попросила она горько, – пропадет ведь. Совсем одна на свете.

– Вы еще лет тридцать протянете, – пообещал Архипов, – вырастите девочкиных детей.

– Моя смерть наступит очень скоро, – возразила Лизавета, и ему показалась странным, что она как будто ни в чем его не убеждает, а просто констатирует факт. – Я должна позаботиться о девочке. Пообещайте мне, что поможете ей, Владимир Петрович!

– Чем?!

– Окажете поддержку, – неумолимо гнула свое Лизавета, – не дадите пропасть. У нас нет ни одного кровного родственника.

– Так и я не кровный родственник!

Внезапно она стала его раздражать так сильно, что он даже встал из-за стола и подошел к окну. За окном был вечер, золотистые сумерки, Москва.

Угораздило его на ночь глядя влипнуть в историю с полоумной соседкой!..

– Вы хороший человек, – возвестила Лизавета, – у вас душа кедра. Я ясно это вижу.

– Что... у меня? – не понял Архипов.

– У вас душа кедра, – повторила Лизавета. – Это крепкое, сильное, верное дерево. Пообещайте мне, что не оставите девочку.

– У-уф, – выдохнул Архипов, покоровшись, – хорошо. Я вам обещаю, что не оставлю девочку. А вы мне обещайте, что, если я умру раньше вас, вы будете кормить мою собаку.

Вышеупомянутая собака, моментально поняв, что говорят о ней, забила хвостом на круглой продавленной подушке.

– Не шутите так, – смиренно попросила Лизавета, – и... напишите мне обещание.

Большими шагами – так, что пес поднял голову и с недоумением проводил хозяина глазами, – Архипов ушел в кабинет и выдернул из папки листок бумаги, чуть не порвав его.

Лизавета за дверью негромко вздохнула.

– Как девочку зовут?! – крикнул он из кабинета.

– Маша Тюрина.

– Вот, – рявкнул Архипов, появляясь на пороге, и сунул сложенный пополам листок ей в лицо, – это расписка. Обещаю Машу Тюрину не оставлять. Не дать Маше Тюриной пропасть. Только не читайте вы это при мне, а то я с ума сойду!

– Спасибо, – прочувствованно поблагодарила Лизавета, – вся энергия добра на вашей стороне, хоть вы этого не понимаете!

– Не понимаю, – злобно согласился Архипов, чувствуя себя инопланетным заводом, который вместо дисков начал выпускать шланги.

Он выпроводил Лизавету, закрыл дверь, хотел читать свои бумаги, но не смог. По телевизору тоже не было ничего, что могло бы отвлечь его внимание от Лизаветиных бредней, и вечер прошел скверно.

Наутро он обо всем позабыл, потому что навалились дневные дела и заботы, а когда приехал вечером домой, дедок-вахтер сообщил ему радостно:

– А у нас жиличка померла. Соседка ваша, Лизавета Григорьевна. Я уже в жэк позвонил и душеприказчику ейному. Надо же такому случиться. Как знала, даже телефон мне оставила. «Позвони, – говорит, – Гурий Матвеевич, когда мой срок придет». А я ей говорю: «Вы меня еще переживете!» Вот ведь как. Жил человек, да помер в одночасье! Все под богом ходим!

Наверное, это было не слишком красиво, не слишком умно и вообще верхом трусости, но Архипов к соседям не пошел ни в тот вечер, ни на следующий и на похоронах не присутствовал. Он вел наблюдение из-за собственной железной двери и вяло поругивал себя за то, что ведет.

На площадке то и дело возникали какие-то замшелые и не слишком чистые люди, проходили в соседкину квартиру, постно потупив глаза. Выйдя, подолгу стояли перед дверью и что-то тихо и настойчиво втолковывали друг другу.

Архипов понятия не имел, куда девалась девочка Маша Тюрина, которую он обещал Лизавете «не оставить», и кто теперь варит ей кашу.

Ему не нравилось шевеление на площадке, было жалко Лизавету и досадно на себя – он был так железобетонно убежден, что она просто дура. А ее предчувствие оказалось правильным, хотя ни дождь кровавый, ни затмение небес так и не наступили.

Черт бы побрал это предчувствие! Архипов не верил ни в какие предчувствия, а вот поди ж ты!

Под вечер воскресенья явился сосед снизу.

Архипов в это время поднимал штангу, слушал тяжелый рок, грохотавший в наушниках, и обнаружил соседа, отразившегося в настенном зеркале, совершенно неожиданно для себя. Настолько неожиданно, что гриф штанги выскользнул из его потных пальцев, стремительно проехал по предплечьям и дал Архипову по шее в полном соответствии с законом всемирного тяготения, законом сохранения импульса, законом сохранения массы и парой-тройкой других основополагающих законов. После чего штанга грохнулась на пол.

Старый дом содрогнулся, Архипов взвыл и заматерился, вытаскивая из ушей пластмассовые штучки вместе с тяжелым роком, засевшим внутри.

– ...не заперта, – растерянно говорил сосед. Пока Архипов не вырвал наушники, казалось, что тот просто шевелит губами. Теперь выяснилось, что он еще издает звуки. – Я вошел, я не думал, что вы заняты, Владимир Петрович.

– Я свободен, – неизвестно зачем возразил Архипов, – до следующей пятницы.

– Почему... до пятницы? – неуверенно удивился сосед.

– Вы ко мне по делу?

– Да-да, – спохватился сосед, – именно по делу!

– Тогда проходите туда, – Архипов распахнул двустворчатую дверь в гостиную, – я сейчас.

Шея болела, и стало ясно, что дальше будет только хуже. Завтра он, как новорожденный, не сможет самостоятельно держать голову, не говоря уж о том, чтобы ее поворачивать. Однажды он уже ронял на шею штангу и знал, что его ждет. Лучше бы не знать.

Принимать душ было некогда, хотя он взмок от волос до трусов, и пришлось наскоро полить себя из шланга, чего Архипов терпеть не мог.

Неужели он вправду дверь не запер?! Все из-за того, что подглядывал за соседской квартирой!

Очень недовольный собой и жизнью, он достал чистую майку, кое-как, застревая в рукавах, напялил ее и вышел в гостиную.

– Еще раз прошу меня... – с ходу начал сосед.

– Все в порядке, – величественно остановил его изливания Архипов. – Хотите минеральной воды? Хорошая вода, – он посмотрел на этикетку, – французская.

Сосед подозрительно покосился на зеленую бутылку и от хорошей французской минеральной воды отказался. Архипов налил себе в стакан. Сильно газированная вода зашелестела по стеклу, взорвалась тысячей мелких, почти невидимых фонтанчиков.

Народная мудрость номер один – если тебе навязали разговор или встречу, никогда не бери инициативу на себя. Сиди тихо, попивай минеральную воду – желательно французскую, – смотри доброжелательно. И помалкивай.

Архипов потер шею. Сосед вздохнул. Пауза затягивалась.

– Так что... экхм-м... что вы об этом думаете, Владимир Петрович?

– О чем именно, Гаврила Романович?

– Так вот... о соседке вашей, Лизавете Григорьевне?

– Я думаю, что она умерла, Гаврила Романович.

Сосед дико на него взглянул.

– Да мы... знаем, – пробормотал он, – да мы, собственно, поэтому и... идем.

– Куда?

– К вам и в... милицию...

– Ко мне и в милицию идете? – поразился Архипов.

– Сначала к вам, – признался сосед, – мы так... решили. А потом в милицию.

Народная мудрость номер два гласила – никогда не вдавайся в подробности, если вопрос не имеет к тебе отношения. Собака не может читать. Она поноску несет, дом стережет, воров пугает, будет с нее и этого...

Архипов молчал. Сосед завздыхал с утроенной силой, как будто заработал пресловутый отбойный молоток на строительстве подземного гаража. Отбойный молоток или паровая машина Уатта. Или кого там?..

– Владимир Петрович, – умоляюще начал он, – мы не знаем, что теперь делать... Вы же видите, что происходит! Этого никак нельзя допустить! Никак! Еще чуть-чуть, и поздно будет, а вы единственный человек, кто хоть как-то!.. Мы же не можем пойти в Воронью слободку!

Вороньей слободкой в подъезде называлась та самая веселая квартира, единственная оставшаяся не расселенной, в которой обитали коммунальный слесарь с супругой-ударницей и внуками Колькой и Лехой и еще полтора десятка персонажей.

– Мы же не можем туда пойти! – поднажал сосед.

– А... зачем вам туда идти? Вы же хотели идти в милицию, – напомнил Архипов.

– Значит, вы согласны? – возликовал сосед Гаврила Романович. Архипов никак не мог вспомнить его фамилию. – Я тоже уверен, что надо непременно в милицию, иного пути нет! А Генрих Павлович с третьего этажа уверяет, что милиция в данном случае нам никак не поможет, и Бригитта Феликсовна, его супруга, порекомендовала посоветоваться с вами. Значит, вы тоже считаете, что мы должны обратиться?

– Вы вполне можете обратиться, – уверил его Архипов и потер шею.

– А вы... подпишете?

– Что?

– Заявление.

– Какое заявление?

– В милицию. Подпишете?

– А о чем мы будем заявлять?

– Как о чем? – поразился сосед. – Не о чем, а о ком! Конечно, о вашей соседке!

– Покойной? – уточнил Архипов.

– Да нет! – начал слегка сердиться сосед Гаврила Романович. Как, бишь, его фамилия?.. – О ныне здравствующей, конечно!

Вот тут Архипов наконец-то понял, что совсем увяз. То есть абсолютно. Догадаться, о чем идет речь, на этой стадии было уже невозможно.

Пришлось сдаться, несмотря на народную мудрость и на ту собаку, что не могла читать. Архипов прислушался – его собственная собака не подавала никаких признаков жизни из-за прикрытой двери в спальню.

«Значит, на кровати валяется», – решил Архипов.

– Гаврила Романович, – попросил он, – давайте все сначала. Я что-то упустил. Зачем нам в милицию и при чем здесь соседка?

– Да кто же еще?! – воскликнул сосед и даже привстал. – Ну, конечно, она! Лизавета Григорьевна со странностями была, несомненно, со странностями, но человек пожилой, уважаемый, а сейчас!..

– Что сейчас?

Придерживая кресло под худосочным задом, Гаврила Романович просеменил поближе, опустил кресло на паркет, а себя в кресло, и весь вытянулся в сторону Владимира Петровича.

– Это же... секта! – тревожно зашептал он. – Самая натуральная секта!

– Где? – удивился Архипов и даже оглянулся по сторонам. В зоне видимости никакой секты не оказалось.

– На вашей площадке! Господи, Владимир Петрович! Вы вчера вечером не слышали... песнопений?

Песнопения, которые вчера вечером слушал Архипов, исполняла группа «Led Zeppelin».

– Вчера весь вечер и почти всю ночь! Они... пели. В квартире Лизаветы Григорьевны. И накануне. А эти люди на площадке? Я сегодня возвращаюсь из булочной, а они сидят на полу! Прямо на полу! На таких циновках, и все что-то жуют!

– «Дирол – сладкая черешня»? – предположил Архипов.

– Вы напрасно иронизируете, Владимир Петрович! Если они решили завладеть квартирой, нам не будет покоя никогда! Во всех газетах пишут про секты, какую страшную они представляют опасность для всех! А если это... сатанисты?! Это же скопление зла!

«Сущность разрушения, – вспомнилось Архипову. – Силы зла. Нож, похожий на хлебный, предвестник смерти».

Лизавета умерла. Нож был прав, а он, Архипов, не прав.

– Да, – неожиданно для себя согласился он, – да. Какие-то люди действительно приходят. Вчера я целый день был дома и... да.

– Владимир Петрович, – взмолился Гаврила Романович, – дорогой вы мой! Что же нам делать? Если они облюбовали квартиру для своих... ритуалов, мы пропали! Начнется воровство, бандитизм, – он так и сказал, с ударением на «изым», – наркотики, боже избави! Это она их привела! Еще покойницу не схоронили, как она уже привела секту! Конечно, квартира теперь свободна! Что хочешь, то и делай! А она одна осталась – ни тормозов, ничего!

– Кто – она? – осведомился Архипов, подозревая, что речь идет о девочке-сироте Маше Тюриной.

– Племянница, конечно! Мы, соседи, решили обратиться в милицию, но для начала поговорить с вами. Это Бригитта Феликсовна посоветовала. Ну как? Подпишете заявление?

Архипов перевернул бутылку. Вода плеснула, зашуршала, осела на чистом стекле пузырьками. Архипов задумчиво смотрел, как они лопаются.

Девочка-сирота влипла в неприятности гораздо быстрее, чем предполагала ее прозорливая тетя или бабка. Какие-то люди действительно толпились на лестничной площадке, и их количество явно превосходило возможное число скорбящих Лизаветиных друзей и подруг. И вид у них был странный – правду сказал Гаврила Романович.

Как же его фамилия?... Какая-то государственная фамилия – Гимнов или Гражданинов?..

– Владимир Петрович! – взмолился сосед. – На вас одна надежда и осталась! Вы у нас самый уважаемый человек в доме. – Архипов усмехнулся. – Вы же всегда помогаете! Вы же по-соседски никогда не отказываете! Вы же тут ближе всех к...

– Нехорошей квартире, – подсказал самый уважаемый человек во всем доме.

– Нехорошо, плохо в квартире! – моментально согласился Гаврила Романович. – Это уж точно! Что хорошего! Бригитта Феликсовна вчера пыталась выяснить у них, что они тут делают, и милицией пригрозила, и управдомом, а они улыбаются только и молчат! Это она так сказала, я сам ничего не видел и не заговаривал и вообще считаю, что с ними нельзя разговаривать! Только силой, только силой! И за сто первый километр!

– А вы знакомы с... племянницей? – неожиданно перебил его Архипов.

Гаврила Романович махнул рукой:

– Видел в подъезде и на улице несколько раз.

– Сколько ей лет?

– Лет? – удивился Гаврила Романович. – Не знаю. Лет тридцать. Может, тридцать пять.

– Или пятьдесят? – задумчиво предположил Архипов.

Конечно, он уж сообразил, что девочка Маша давно выросла из песочницы и вряд ли теперь ходит с синим пластмассовым ведерком, но то, что ей тридцать лет – или даже тридцать пять, – Архипова поразило.

Он ведь дал обещание «не оставить». Он даже написал это на бумажке и сунул Лизавете в физиономию.

Как он станет опекать женщину тридцати пяти лет?! Зачем ее опекать?! Лизавета все повторяла, что «девочка пропадет», но в тридцать пять – хорошо, пусть в тридцать! – девочки уже вполне самостоятельны. Если она решила продать квартиру, бросить работу, очиститься и уйти в секту, чтобы там на свободе предаваться песнопениям, которые слышал Гаврила Романович, значит, Архипов ей помешать не сможет. Даже смешно надеяться.

Тем не менее соседи надеялись, а Лизавета взяла с него обещание «не оставить девочку», и он его дал, черт возьми!

Хорошо, что у него душа кедра, а не носорога. Была бы носорога, он бы сейчас кого-нибудь точно боднул. Например, Гаврилу Романовича – Думцева, Министерских, Беззаконнова?..

– Милиция нас не спасет, – поморщившись, сказал Архипов и одним движением вылил в горло остатки колючей французской воды, – права Бригитта Феликсовна. В конце концов, ничего противоправного не происходит.

– Как?! – поразился Гаврила Романович. – А секта?!

– У них в паспортах не написано, что они секта! Скорее всего, указано, что прописаны на Сиреневом бульваре, дом триста пятьдесят, или на улице Бориса Галушкина, и вполне законопослушны!

– Так... что же делать? – упавшим голосом спросил Гаврила Романович и дрогнул тощим телом, как будто уже влекомый невидимыми сектантами к жертвенному костру.

– Я поговорю с племянницей, – объявил Архипов. – Постараюсь выяснить, что это за люди и какие у нее планы в отношении... квартиры и песнопений.

– Только, пожалуйста, если можно, сегодня, – просвистел Гаврила Романович тревожно, – прямо сегодня, не откладывая, а то завтра вам на службу, а там, кто знает!..

– Сегодня, – пообещал Архипов и посмотрел на часы, – если она дома, конечно.

Гаврила Романович поблагодарил, закланялся и стал отступать в сторону входной двери. Архипов надвигался на него – как гора на муравья.

Когда дверь захлопнулась, вспомнилась наконец неуловимая фамилия.

Соседа звали Гаврила Романович Державный.

Державный, а вовсе не Беззаконных!

Архипов полежал в ванне с книжечкой – роман моднейшего Гектора Малафеева «Испражнения души».

Сам Гектор был изображен на лаковой обложке, которую хотелось лизнуть, – шляпа, поднятый воротник, прищур, контур щеки, сигаретка. В линии сочных губ, держащих сигаретку, известный цинизм и усталость, намек на пресыщенность.

Красота. Архипов любил красоту.

Примерно на пятнадцатой странице в ванную пришла архиповская собака, вдоволь навалавшаяся на диване. Она приблизилась, посопела и сунула холодный нос прямо Архипову в ухо.

Гектор Малафеев в это самое время составил из трехбуквенного, известного всем с третьего класса слова перевернутую пирамиду и галопом неся с верхней ее части, где оно было только одно, в нижнюю, где их насчитывалось штук двадцать.

Архипов за ним не поспевал.

Да и слово было, скажем так, излишне затасканным. Слишком уж часто встречающимся. Несколько передержанным, как разбухший огурец в бочке с рассолом.

Для того чтобы публично выразить свои мысли именно этим словом, уж лет десять не нужно никакого «гражданского мужества». Может, поэтому суперпирамида не вызвала в душе Архипова должного восторженного содрогания, и он обрадовался, что пришла его собака.

– Привет, – поздоровался Архипов.

Пес понюхал пену, брезгливо поморщился и мотнул лобастой башкой.

– Не нравится? А по помойкам шастать, значит, нравится?

Пес тяжело плюхнулся на задницу, зевнул и лязгнул чудовищными челюстями.

Порода называлась английский мастиф и относилась к разряду гигантских. Складки палевой лоснящейся шерсти прикрывали сто килограммов мускулов и литой плоти.

Мастифа подарил партнер-англичанин, страшно гордившийся тем, что придумал такой отличный подарок.

Архипов назвал его Тинто Брасс – не англичанина, понятно, а пса – за томный взор и потрясающую целеустремленность в отношении противоположного пола, проявившуюся еще в детские годы, как страсть ко всякого рода революциям у маленького Володи Ульянова.

Когда Архипов в первый раз приехал с Тинто Брассом на свою бывшую дачу в гости к бывшей жене, бывшая теща засела на втором этаже и кричала оттуда, что ни за что не спустится, пока бывший зять не увезет «это чудовище». Чудовище валялось на боку, занимало полтеррасы и палевые лапы толщиной с хорошо развитую мужскую руку протянуло на середину пола, и теперь они всем мешали ходить. Впрочем, никто и не ходил, все боялись.

– Если опять на кровати валялся, – пригрозил Архипов Тинто Брассу, – я тебя выдеру.

Тинто покосился на хозяина, ухмыльнулся и отвернулся.

– Сейчас пойдем к девочке Маше Тюриной, – сообщил хозяин и положил Гектора Малафеева на деревянный стульчик страницами вниз, сигареткой вверх. – Девочка Маша перепугала всех соседей, а мы обещали ее не оставить.

Тинто Брасс вздохнул. Лично он ничего не обещал и визиту к Маше предпочел бы прогулку по Чистым прудам.

Архипов вылез из воды, голый и мокрый прошлепал к телефону и набрал номер соседской квартиры – чтобы некуда было отступать. Идти к малахольной сектантке Маше не хотелось не только Тинто Брассу. Архипову не хотелось тоже.

Долго никто не отвечал, а потом трубку сняли, и слабый голосок пропищал:

– Алло...

– Здравствуйте, – сказал Архипов очень твердо, – меня зовут Владимир Архипов, я ваш сосед. Я могу зайти к вам минут через пятнадцать?

В трубке немедленно наступила глубокая тягучая тишина.

Народная мудрость номер три – умей держать паузу, особенно если не ты ее взял. Держи до последнего и не суетись.

Архипов не суетился. Он переступил на ковре, изучил собственные мокрые следы, почесал бровь, переложил мобильный телефон с одного места на другое, вытянув шею, посмотрел, что там делает в ванной Тинто Брасс, и только тогда в трубке снова запищало:

– А... зачем?

– Что? – не понял Архипов.

– Зачем вы... хотите зайти?

– Я зайду поговорить с вами, если вы Маша Тюрина. Вы Маша Тюрина? – Он поймал себя на том, что говорит медленно и раздельно, словно не слишком надеясь на то, что Маша понимает человеческую речь.

– А... зачем вам со мной говорить?

– Я обещал Лизавете Григорьевне.

– Обещали... поговорить... со мной?

– Послушайте, уважаемая Маша Тюрина, – рассердился Архипов, – давайте встретимся и все обсудим. Собственно, я затем и звоню, чтобы договориться о встрече. Вы меня понимаете?

Маша Тюрина еще некоторое время молчала, как будто обдумывала теорему Больцано – Вейерштрассе, потом неожиданно пришла в сознание и пропищала, что Архипов может зайти.

– Ну, слава богу, – похвалил Машу Владимир Петрович и повесил трубку.

Как он станет с ней разговаривать, если она двух слов связать не может?! Вдруг у нее замедленное развитие или поражение центральной нервной системы? Или она алкоголичка? Или фанатичка – не зря Гаврила Романович слышал песнопения, а Бригитта Феликсовна видела «странно улыбающихся» людей!

Натягивая джинсы, Архипов думал, что, пожалуй, напрасно так легкомысленно отнесся к беспокойству Гаврилы Романовича, и почувствовал свое собственное беспокойство.

Оно всегда возникало в одном и том же месте – в позвоночнике, примерно в середине спины, и оттуда быстро растекалось вверх и вниз.

Если у Маши не все дома, быть беде.

Жить на одной лестничной площадке – дверь в дверь – с душевнобольной членшей «Белых братьев», «Звездных сестер» или «Небесных странников» невозможно. Избавиться от них крайне трудно – как тараканы, они немедленно заполняют весь предоставленный объем, размножаются, укрупняются, входят во вкус. Тихий и чинный подъезд – коммунальный слесарь и его супруга, последние из могикиан, не в счет – превратится в проходной двор, соседняя квартира – в ночлежку для «братьев, сестер и странников». Архипову придется или платить милиции взятки, чтобы «взяли на контроль», или разбираться собственными силами – ни того, ни другого ему не хотелось.

Что за Маша Тюрина?! Откуда у нее такая прыть? Лизавета, хоть и была со странностями, но ни «братья», ни «сестры» при ее жизни на площадке отродясь не появлялись.

Архипов подумал-подумал и вместо майки натянул классическую и чинную рубашу с длинными рукавами. Кто ее знает, эту Машу! Может, и впрямь душевнобольная!

Заслышав, что стукнула дверь гардероба, из ванной показался Тинто Брасс. Взгляд у него был вопросительный.

– Я раздумал, – объявил ему Архипов, – ты в гости не идешь. Маша Тюрина тебя принять не может. Еще очень большой вопрос, может ли она принять меня.

Тинто Брасс подошел и стал смотреть на Архипова в зеркало. Рубаша оказалась с дырками для запонок, и нужно было или вдевать эти самые запонки, или искать другую рубашу. Архипов подумал-подумал и закатал рукава.

А что? Может, он сию минуту стирал? Или мыл? Или красил?

– Вернусь через десять минут, – пообещал он мастифу. – Если будут звонить, отвечай, что я пошел в библиотеку, и записывай фамилии.

Тинто Брасс пообещал, что все исполнит в точности.

– Вот и хорошо.

Архипов открыл дверь – на площадке никого не было, и песнопения не слышались, – пересек гранитный квадрат и позвонил в квартиру напротив.

Он думал, что дверь будут открывать несколько часов – судя по скорости телефонных переговоров, – но она распахнулась в ту же секунду, как будто Маша Тюрина стояла под ней и ждала, когда он позвонит.

– Проходите, – предложил из темноты тусклый голос. – Только ботинки снимите.

Он сбросил ботинки.

– Куда проходить? – Архипов почти ничего не видел.

– За мной.

Ее он тоже почти не видел – так, копошилось что-то в полумраке, с виду похожее на человеческое существо.

Следом за этим существом он прошел длинным коридором, повернул и чуть не налетел на него, когда оно остановилось у двери в комнату. Дверь распахнулась. Солнечный свет ударил в глаза, и Архипов зажмурился.

– Что вам нужно?

Он разлепил веки и никого не увидел – только громадную квадратную комнату, залитую солнцем. Солнце вваливалось в широкие чистые окна, каталось на полированном паркете, путалось в хрустальных вазах и вазочках, струйками стекало с громадной люстры – его капли попадали Архипову в глаза, мешали видеть.

– Что вам от меня нужно?

Он повернулся спиной к солнцу и оказался нос к носу с ней. Она стояла у высоких дверей, прижавшись к ним спиной, как в кино.

– Мне нужно с вами поговорить, – пробормотал Архипов. – Меня зовут Владимир Петрович. А вас?

– Мария Викторовна. О чем вы хотите со мной говорить?

– О жизни и смерти вашей тетушки, – пробормотал Архипов, рассматривая ее, – или бабушки. Она вам тетушка или бабушка?

– Ее жизнь и смерть вас не касаются. Простите.

– Да ничего, – неторопливо сказал Архипов. – Вы правы. Не касаются.

После этого Мария Викторовна Тюрина как буд-то расслабилась и отлепила спину от двустворчатой двери.

– Можно я сяду? – попросил Архипов.

– Садитесь, – разрешила она равнодушно. Прошла мимо него и присела на краешек дивана. Руки стиснуты, плечи судорожно сведены.

Неизвестно, кого он ожидал увидеть.

Пожилую девушку в платке и черной юбке? Мышку-норушку в балахоне и тапках? Бледную поганку с псориазной кожицей, кладущую перед божницей земные поклоны?

На вид Марии Викторовне было лет двадцать. Впрочем, Архипов никогда не мог правильно определить на глаз женский возраст, непременно ошибался. На ней были джинсики, голубенькие и довольно потрепанные, зато безупречно чистые, и темная штукovina без рукавов, но с высоким горлом. Руки длинные и худые, совсем девчачьи, щеки розовые, волосы короткие и темные, собранные в невразумительный хвостик. Она оказалась очень высокой, почти с Архипова, и примерно раза в два уже.

Что это Гаврила Петрович Державный так его дезинформировал?..

– Сколько вам лет? – мрачно спросил Архипов.

Мария Викторовна взглянула на него и некоторое время помолчала.

– Двадцать четыре.

– Понятно.

Что нужно делать дальше, Архипов не знал. То есть когда шел, он знал, а сейчас позабыл.

– Мне скоро на работу, – тускло сказала Мария Викторовна, – через полчаса.

– А кем вы работаете?

Опять некоторая пауза.

– Медсестрой в пятнадцатой больнице.

Архипов рассматривал ее, а она – свои сложенные на коленях руки.

Раньше он точно никогда ее не видел. Странное дело – каждый день он приезжал домой и уезжал на работу, а по выходным чаще всего бывал дома и знал всех соседей, которых было не слишком много в старом малоквартирном доме, но ее не видел ни разу.

Однажды Лизавета заманила его на «чай из трав». Он помнил, что этот чай им подавали, а кто подавал – нет, не помнил.

Она молчала, и Архипов выудил из недр мозга народную мудрость номер три – про то, как надо держать паузу.

– Я хотел с вами поговорить, – вопреки мудрости начал он быстро, – и поэтому позвонил. Ваша тетушка просила меня... Вы знаете, что она была у меня за день до своей... кончины?

Мария Викторовна перевела взгляд со своих рук в центр ковра и ничего не ответила.

– Она просила меня вам помочь, если потребуется помощь.

– Мне ничего не нужно.

– Конечно, – согласился Архипов. Он бы очень удивился, если бы она продиктовала ему список «добрых дел», которые он должен для нее сделать.

Если бы она не оказалась такой хорошенькой, молоденькой и несчастной, Архипов с чистой совестью наплевал бы на все свои обещания. Ему было неловко от того, что это именно так, а врать самому себе он не умел.

– Так кем вам приходилась Лизавета Григорьевна? Тетушкой? Или все-таки бабушкой?

– Она никем мне не приходилась. – И опять молчание.

– Послушайте, Маша, – произнес Архипов как можно значительнее, – мне нужно с вами поговорить, а вы почему-то упираетесь. У вас есть полчаса. Пойдемте ко мне, я сварю кофе, и мы поговорим. Пойдемте, это недалеко.

– Я не хочу кофе.

– Тогда чай.

– Чаю я тоже не хочу.

– Квасу? Спирту? Соленых огурцов?

Тут она улыбнулась – наконец-то.

– Огурцы тоже есть?

– Сколько угодно.

Улыбка пропала, как будто ее и не было. Снова заснеженная равнина, унылая и однообразная до крайности.

Архипов начал раздражаться – какого черта он уж так-то старается?! Ну, не хочет она с ним разговаривать, пусть не разговаривает, ему-то что?! Он сделал попытку – попытка провалилась, и хватит сидеть, изображать дружеское участие и сочувствие!

Всему его участию вместе с сочувствием цена – грош, потому что он предлагал их исключительно из-за того, что у нее оказались длинные ноги и крепкая грудь.

– Ну что? Не станем кофе пить и есть огурцы?

– Нет.

– Отлично.

Архипов поднялся, чувствуя себя идиотом. Все из-за Лизаветы, поставившей его в такое дурацкое положение!

– Что за люди приходят к вам в квартиру?

Заснеженная равнина вдруг ожила, как будто от первого дыхания надвигающегося урагана.

– Какие люди?

– Не знаю, – сказал Архипов резко, – я у вас хочу спросить. На площадке толчется народ, который валит в вашу квартиру. Соседи слышали какие-то песнопения, хотели милицию вызывать. Что это за народ?

Ураган улегся так же внезапно, как и поднялся.

– Это... мои друзья.

– Сколько их?

– Что?

Архипов вздохнул:

– Я спрашиваю, сколько их. В штуках. Сколько?

Мария Викторовна Тюрина уставилась ему в лицо. Глаза были орехового цвета, пожалуй, с примесью янтаря.

Народная мудрость номер четыре гласила – никогда первым не отводи глаз. Тот, кто дольше смотрит, сильнее. Тот вожак.

Архипов рассматривал ее глаза со старательным равнодушием – как будто он только и делал целыми днями, что рассматривал женские глаза, и она дрогнула первой.

Все-таки вожак – он, Архипов.

– Зачем вы меня об этом спрашиваете?

Вот тут он сплосховал. Пока изображал равнодушие, забыл, о чем именно спрашивал. Но Мария Викторовна ничего не знала о существовании народной мудрости номер пять, которая гласила, что никогда не нужно бросать собеседнику спасательный круг. Он или выплывет, или утонет сам, без посторонней помощи.

Мария Викторовна круг бросила:

– Какое вам дело... сколько их? Зачем вам?

– Нам затем, что мы здесь живем, и нам никакие последователи культа Вуду не нужны.

Или это адвентисты седьмого дня?

Тут Мария Викторовна Тюрина так перепугалась, что глаза у нее увеличились и как будто поплыли на побледневшем лице. Нос заострился, и оказалось, что он слегка обрызган веснушками. Архипов умилился.

Не хотел, а умилился.

Надо же, веснушки у нее, как у маленькой!..

– Я не знаю, о ком вы говорите, – пробормотала она. – Ко мне приходят только друзья.

– Из больницы номер пятнадцать? Врачи и сестры? Это они поют так, что все соседи слышат и пугаются? – Никто не поет.

– Неправда.

– Владимир Петрович, мне нужно... уходить.

– Неправда. Вам уходить нужно через двадцать минут.

Она по-прежнему не смотрела на него, но его собственное имя, которое она бойко произнесла, странным образом его... задело. Как будто в том, как она его выговорила, было что-то очень интимное, личное.

– Ну так как, Мария Викторовна?

Она молчала только секунду.

– Никак. – Она решительно поднялась и распахнула двустворчатую дверь в крошечную комнату коридора. – До свидания.

Архипов ничего не ответил, большими шагами прошагал до входной двери, распахнул ее и через мгновение был у себя дома. Он уже вошел, когда услышал, как бахнула, закрываясь, соседская дверь, заскрежетал замок и на площадке все стихло.

В дальнем конце просторного холла показался величественный Тинто Брасс. Он посмотрел на Архипова и вопросительно мотнул башкой.

– Выперли, – сообщил Архипов, – взашей.

Ему показалось, что мастиф закатил глаза.

– Да правда! – энергично подтвердил Архипов. – Зря ты мне не веришь!

Тинто Брасс ухмыльнулся, и тут Архипов захохотал. Хохотал он долго и смачно – над собой, польстившимся на веснушчатый нос и длинные ноги Марии Викторовны Тюриной, медсестры пятнадцатой горбольницы, племянницы полоумной Лизаветы, которую он заверил распиской, что не оставит «девочку».

Похохотав, он пошел варить кофе, вытащил из ванной Гектора Малафеева, проскакал вместе с ним по пирамиде из трехбуквенного слова и пустился в дальнейшие странствования по «Испражнениям души».

Мария Викторовна его больше не интересовала.

Осталось, впрочем, ма-аленькое предчувствие, зудевшее о том, что с ней он еще не обещается хлопот.

Архипов проснулся от того, что рядом кто-то гулко и настойчиво колотил молотком в дно железной бочки.

– Ч-черт! – пробормотал Владимир Петрович и накрыл голову подушкой. Удары несколько отдалились, но не прекратились. Спать было невозможно. Архипов снял подушку и сунул в ухо палец.

Палец тоже не помог. Кроме того, спать с пальцем в ухе никак не получалось.

– Козлы! – в подушку сказал Архипов. – Уроды! До нас добрались!

Он был уверен, что молотком по бочке стучат строители подземного гаража. Колебание материи – так выразилась Лизавета Григорьевна.

Архипов сел и открыл глаза. Было темно и очень поздно. Именно поздно, а не рано. Он всегда точно чувствовал время.

Будильник показывал начало третьего.

Удары возобновились, и он понял, что никто не бьет молотком по бочке.

– Тинто! – позвал Архипов, встал и побрел по ночной квартире. – Ты что, с ума сошел?!

Тинто Брасс – темная неподвижная туша – стоял возле входной двери и гулко на нее брехал.

– Фу! – сказал Архипов с изумлением. – Что ты орешь? Ночь на улице!

Тинто Брасс, помимо небывалой внешней стати, отличался еще недюжинным умом. Архипов никогда не слышал, чтобы он лаял просто так, ни от чего. Он вообще почти никогда не лаял.

– Что? – повторил Архипов.

Тинто Брасс отвернулся от него, сунул нос в дверь и гулко брехнул, как будто гром ударил.

Шлепая босыми ногами. Архипов подошел и посмотрел в «глазок». На площадке было темно.

– Ну и что? – опять спросил Архипов у Тинто. – Я ничего не вижу!

Мастиф не отрывал носа от дверной щели. Мощная спина напряглась, а палевые складки, серебриющиеся в лунном свете, казалось, стояли дыбом.

«Там кто-то есть, – вот как понял Архипов свою собаку. – Кто-то, кому там быть не положено. Я его чувствую, а ты нет, потому что ты всего лишь человек».

Палевые складки встопорщились, и Тинто Брасс негромко зарычал. Архипов все всматривался в «глазок» – бесполезно, потому что ничего не угадывалось в плотной чернильной тьме, и он вдруг сильно встревожился.

Свет, черт побери! Почему не горит свет?! В их подъезде свет горит всегда. По крайней мере, Архипов, проживший здесь всю жизнь, не мог вспомнить случая, чтобы на площадках не было света. Хороший дом, хороший район, дедок караулит входную дверь – почему бы свету не гореть?

Выключили? Кто?! Зачем?! Да еще в два часа ночи!

Тинто опять зарычал, сунулся башкой и переступил тяжелыми лапами. Архипов вернулся в комнату и натянул джинсы. Стоять голым перед дверью, за которой явно что-то происходило, ему не хотелось. Где-то был здоровенный автомобильный фонарь, с которым он ездил на рыбалку. Роняя в потемках вещи, Архипов добыл фонарь и вернулся к двери.

Ах, как ему не хотелось геройствовать, как не хотелось!..

На площадке всего две квартиры – его собственная и сектантки – медсестры пятнадцатой горбольницы. Последний этаж, выше только чердак, где Лизавета нашла свое волшебное ритуальное и хрен знает какое колесо.

Вряд ли кто-то среди ночи полез на чердак. Значит, этот кто-то на площадке. Значит, девочка Мария Викторовна Тюрина получила очередную порцию неприятностей сразу после его ухода.

Надо идти ее спасать. Конечно, надо.

Архипов переступил с ноги на ногу, как Тинто Брасс, не отрывая глаз от черной дырки в двери, и не двинулся с места.

Сейчас он откроет дверь и пойдет спасать Машу. Все по правилам. Барышни вечно напуганы и несчастны, но не лишены известной строптивости и упрямства, за которые должны поплатиться. Робин Гуды всегда великодушны и снисходительны и опережают негодяя на один разящий удар меча.

Ох-хо-хо...

Кто там может быть внутри чернильной ночной вязкости? «Белый брат» или «Небесный странник»? Или обычный жулик? Или кто-то пострашнее?

Тинто Брасс мотнул башкой, как будто сокрушаясь, что Архипов так труслив и туп.

– Ладно, ладно, – чуть слышно пробормотал его хозяин.

Он ударил по выключателю – желтый свет упал с потолка, сожрал мрак, – одним движением распахнул дверь на лестницу и зажег фонарь.

Широкий луч обежал стены и потолок. Прямоугольник света достал до противоположной стены, как будто сложившись пополам, и вознесся по ней вверх. Тинто Брасс фыркнул и выскочил на площадку.

– Назад, Тинто! – негромко скомандовал Архипов. – Назад!

На площадке никого не было – он понял это в первую секунду.

Зря готовился и боялся.

– Тинто!

Мастиф замер у двери напротив, опустил башку и напружинил спину.

– Ну уж нет, – сказал Архипов, – туда я не пойду, можешь не намекать.

Тинто Брасс негромко зарычал – так что завибрировал шпингалет в оконной раме.

– Все, Тинто, – позвал Архипов, – хватит. Пошли домой!

Мастиф уперся могучим лбом в соседкину дверь, поднажал, и... дверь вдруг открылась! За ней было темно и как-то глубоко. Архипов вдруг подумал, что именно так должен выглядеть вход в ад.

Тинто Брасс не спеша вошел в черноту и исчез, как будто канул в бездну.

Архиповский позвоночник вибрировал от беспокойства и страха. Кожа стала холодной и липкой, лягушачьей.

– Тинто, вернись!

И прислушался.

Ни шороха, ни звука. Ему показалось даже, что он слышит, как тикают часы в его собственной квартире, возле его собственной широкой и удобной кровати, в его собственной хорошо и правильно устроенной жизни.

В чью жизнь его только что занесло? Марии Викторовны Тюриной, медсестры? Или покойницы Лизаветы Григорьевны?

Архипов вышел на площадку – ногам мгновенно стало холодно на граните, пальцы поджались – и оглянулся на свою дверь, за которой сияло электричество и было безопасно.

Он не станет закрывать дверь. Пока она открыта, остается смутная надежда, что в любой момент можно перестать геройствовать и вернуться.

Расширяющийся луч фонаря, прочертив по стене, затек в темный дверной провал, зацепился за угол старинного шкафа, уперся в тусклую раму какой-то картины и дальше, дальше, до стеклянной двери, которую Архипов не заметил, когда вечером был в этой квартире. Словно намертво связанный с широким лучом, следом за ним Архипов вошел в длинный коридор и осторожно двинулся дальше.

Вдалеке снова зарычал Тинто Брасс. Архипов замер и прислушался.

– Мария Викторовна! – позвал он негромко. Голос увяз в чужих стенах и чужих громоздких вещах. – Мария Викторовна, у вас дверь открыта!

Ни звука.

Где, черт побери, в этой квартире зажигается свет?!

Желтого луча было недостаточно, и в позвоночнике вибрировало и дрожало все сильнее. Это дрожание мешало ему, было больно и хотелось потереться спиной о что-нибудь надежное.

– Мария Викторовна! Вы меня слышите?

В ответ снова настороженно рыкнул Тинто. Фонарь в архиповской руке метнулся и замер.

Если она дома, почему не откликается? Почему открыта дверь? Что мог услышать мастиф, что так его встревожило? Выстрел, предсмертный вскрик? Глухой дробный звук, с которым падает тело?

Архипов споткнулся обо что-то и осветил себе под ноги. Деревянная скамеечка с изогнутой спинкой. Желтый луч выхватил из черноты туфли на длинных и тонких каблуках, валявшиеся нос к носу.

Выходит, она дома? Или это... нарядные туфли?

Он снова поводил лучом по стенам, как будто помазал светящейся краской, которая тут же гасла, едва он отводил фонарь. Смутное шевеление тьмы, как будто внутри что-то колыхалось, насторожило его. Луч замер, словно раздумывая, стоит ли светить туда. Архипов вдохнул, выдохнул, решительно перевел фонарь, но рассмотреть ничего не успел.

Откуда-то слева вдруг послышался странный звук, потом короткий вскрик, оглушительный грохот и вопль:

– Не на-адо!

Архипов ринулся на вопль, больно ударился, босая нога поскользнулась на паркете, лбом он въехал в какой-то острый угол, выматерился, куда-то выскочил. Совсем рядом гавкнула его собака, как будто пушка выстрелила.

Широкий луч выхватил блестящий складчатый бок, напряженно вытянутую шею и – бледное, перекошенное человеческое лицо, прямо перед собачьей мордой. Архипов зашарил правой рукой по стене, зажав подбородком фонарь, кажется, обрушил со стены очередной «натюрмортик», и свет наконец зажегся.

Судорожно поднимая к лицу острые коленки, закрываясь руками, поворачиваясь худым плечом, на полу метался молодой человек в темной курточке и грязных ботинках.

Тинто Брасс величественно качнулся на колонноподобных ногах и непринужденно обнюхал физиономию молодого человека.

– Нет! – вскрикнул тот чуть не плача. – Нет! Да заберите вы собаку!

– Тинто, фу, – велел Архипов не слишком настойчиво. Покрутил фонарем, посмотрел в его зеркальную чашу и погасил. Мастиф придвинулся еще чуть-чуть ближе.

– Дверь была открыта! – заверещал его пленник. – Я звонил, звонил. А потом оказалось, что она открыта! Я вошел! Я ничего не брал! Ничего! Ну на, на, обыщи! – И он стал выворачивать карманы и тыкать их в нос Тинто Брассу.

Тинто брезгливо поморщился.

– Так, – заявил Архипов, обретший почву под ногами, – давай быстро и по пунктам. Ты кто?

– Я?! Я... приезжий.

– Ты кто? – повторил Архипов и легонько ткнул босой ногой в жидкий бок.

– Я... приехал сегодня, – захныкал юнец и покосился на Тинто Брасса. – Да уберите вы ее, я собак с детства боюсь!

– Правильно делаешь, – похвалил Архипов. – Ты кто?

– Да родственник я! Родственник! И что вы на меня напали?!!

– Чей? Мой?

Юнец поднял на Архипова замученные красные глаза.

– Почему... ваш?

– Тогда чей?

– Ейный.

– Чейный – ейный? – уточнил Архипов.

– Манькин.

Манька, подумал сообразительный Архипов, должно быть, и есть Мария Викторовна Тюрина, поразившая его сегодняшнее воображение. Ах, нет, уже вчерашнее.

А вот это – то, что на полу, – родственник Марии Викторовны. А может, обычный жулик, которого Архипов «накрыл».

Тинто Брасс «накрыл», если уж быть справедливым до конца.

– Как тебя зовут?

– Меня? – По куриной шейке прошла приливная волна, вздрогнул острый кадык.

– Тебя.

– А... это... Юрий.

– Гагарин?

Юнец опять затеребил ногами в грязных башмаках и отдернул голову от подсунувшегося Тинто.

– Слушай, Юрий Гагарин, – сказал Архипов терпеливо, – я тебя в отделение сдам в два счета! Тут у нас что такое? Тут у нас кража со взломом? Это хорошее дело – кража со взломом! На тебя, урода, все кражи, какие только произошли в районе с девяносто восьмого года, повесят, и сядешь ты лет на семь как минимум. Я ж тебя с поличным поймал!

– Я не крал! – заскулил юнец. – Ничего не крал я!

– И дверь тоже не ломал?

– Дверь открыта была!

– Как тебя зовут?

– Макс!

– Фамилия?

– Хрусталева!

– Макс Хрусталева – шикарно, – оценил Архипов. – Откуда прибыл?

– Из... Сенежа.

– Где это?

– Где Литва.

– Литва-а? – удивился Архипов. – Ты, выходит, иностранец, Макс?

– Да уберите вы ее!

– Фу, Тинто!

– Не иностранец я! Сенеж с нашей стороны! Не с той!

– Ты профессиональный жулик? Вор в законе?

– Я не жулик!! Я к... родственнице! К Маньке! А ее нет! А дверь открыта! А тут вы со своим... со своей!

– А... Манька? – быстро спросил Архипов. – Родственница твоя? Она знала, что ты должен прибыть с визитом?

– Чего?

– Того! Ты без предупреждения приехал?

– Ну да! Я же и говорю! Дверь открыта была! Я звонил. Никто не открывал. Я дверь подергал, а она открылась! Я думал, может, спит Манька, а дверь забыла запереть! И вошел! А тут вы!

Архипов немного подумал. Рассказ звучал убедительно. На члена секты «Звездные братья» или «Сестры Иговы» юнец не тянул. Хотя кто их знает, членов-то...

– Покажи билет.

– Чего?!

– Покажи мне билет на поезд. Или ты из своего Сенежа аэропланом добирался?

– Нету у нас никаких... планов, – пробормотал юнец и полез в карман замызганной куртки. – Зачем билет-то?! Сказано, не жулик!

Билет нашелся, и Архипов внимательно его изучил.

Юнец с ненавистью посмотрел на непринужденного Тинто Брасса, и потом – с такой же – на Архипова.

– А что? – вдруг спросил он убито. – Манька тут... не живет больше?

– Манька – это Тюрина Мария Викторовна? – Архипов сунул билет в карман джинсов.

– Ну да.

– Еще утром жила тут.

– А вы... кто? Ейный муж, что ли?

– Я ейный сосед, – представился Архипов, – Владимир Петрович зовут меня. Неудачно очень ты прибыл. У Марии Викторовны тетушка умерла, а сама она как раз сейчас на работе. Так что придется тебе на лавочке дожидаться. У метро. Квартиру я закрою.

Юнец моргнул. У него был вид человека, который из последних сил брел до убежища и добрел, а оказалось, что это никакое не убежище, а груда пустых коробок, издавала казавшаяся домом. Архипов решил, что он сейчас заплачет.

Сочувствовать юнцу ему не хотелось. Ему вообще ничего не хотелось – только бы убраться отсюда обратно в собственную жизнь, в собственную постель и перестать играть в Робин Гуда.

Хватит пока. Для одной ночи даже слишком.

– А можно я тут посижу? – спросил юнец умоляюще и носом шмыгнул умоляюще. – Я, ей-богу, ничего не трону! Ничегошеньки! Я прямо тут... посижу, и все. Можно, а?

– Нет, – буркнул Архипов, – нельзя.

Юнец несколько секунд смотрел на него, а потом тяжело завопил, поднимаясь.

– Может, вы за мной последите, а я посижу?

– Я не стану за тобой следить.

– А ваша собака... не может последить? – Видно было, что ему очень не хочется на лавочку у метро.

– Моя собака сейчас вместе со мной пойдет в мою квартиру, и мы ляжем спать. Предупредил бы Марию Викторовну заранее, и ты бы спать лег.

– Да не мог я ее предупредить!

– Почему?

– Потому что не мог!

«Кто открыл дверь? – думал Архипов. – Или она сама забыла запереть, когда уходила на работу?»

– Где твои вещи?

– Все на мне! – огрызнулся юнец.

Архипов посмотрел.

– Не густо.

– Мне подходит! Сам небось ва-аще голый! – Теперь, когда лавочка у метро стала неотвратимой реальностью, он хорохорился.

Архипов и вправду был в одних только джинсах и теперь сильно мерз, так что волосы на руках стояли дыбом и кожа собралась мелкими пупырышками.

– А в подъезд ты как попал?

Юнец с шикарным именем Макс Хрусталева сделал вид, что не расслышал. Слышал, слышал, а теперь внезапно перестал.

– Я спрашиваю, как ты попал в подъезд?

– Через дверь.

– А Гурий Матвеевич, конечно, решил, что ты почтальон или слесарь из жэка. Да?

– Не знаю я никакого Матвеича...

– Ты как в подъезд попал? – душевно спросил Архипов и душевно же положил юнцу руку на локоть. Локоть был острый и угловатый, весь как будто составленный из палочек и спичечек. Ладонь Владимира Петровича – шире раза в четыре.

– В окно! – выпалил юнец, дернул локоть и от этого движения повалился прямо на Архипова. Тот поморщился и, дернув за куртчонку, придал тощему телу вертикальное положение.

– Под носом у Гурия Матвеевича лез?

– Я подождал, пока он заснет! – закричал Макс и, кажется, всхлипнул. – Я долго сидел! Я под окном сидел! А он все не спал! Он все чай пил, зараза!

Старик пил чай. На столе в его каморке стоял блестящий самовар и выдыхал вкусные облака пара. Еще были широкая чашка с блюдцем, похожая на тазик, банка с темным вареньем – из банки торчала большая ложка, – желтый сыр на салфетке и толстый, густо обсыпанный маком бублик. Макс сидел под окном, слышал, как звякает ложка, шумит самовар, вздыхает старик, и ему так хотелось есть, что мутилось перед глазами и слюна не помещалась во рту. А старик еще газету читал, и отламывал от бублика, и клал на него толстый сыр, и это невозможно было вынести.

Сколько же он не ел? Дня два? Нет, три. Точно три. Как сбежал из дома, так и не ел. Украсть не умел. Попросить боялся. Он только думал, как поест у Маньки.

Маньки нет, а есть этот, почти голый, здоровенный, страшный. Что теперь делать?

– Ну, ладно, – согласился «здоровенный и страшный», – в окно так в окно. Пошли, парень.

Он выключил в комнате свет, зажег фонарь и позвал свою собаку. Собака тяжело потрусила по коридору и выскочила на площадку. Возле входной двери Архипов задержался.

Замок был новый, солидный, с блестящей титановой полоской. Он действительно *затирал* дверь. Только вот захлопнуть ее никак нельзя. Ее можно закрыть, повернув ключ.

Закреть, а не захлопнуть.

Архипов подергал замок туда-сюда, потом пооткрывал и позакрывал дверь.

– Чего? – спросил Макс Хрусталева петушиным басом. Архипов промолчал.

Тинто Брасс замер у распахнутой двери в свою квартиру и тоже посмотрел на хозяина.

Архипов сквозь зубы произнес пространную тираду. Юнец гоготнул и смолк.

– Так, – сказал Архипов. Все-таки он никогда не забывал о том, что он – вожак. – Тинто, ко мне!

Пес подошел, глядя вопросительно.

– Лежать, – велел Архипов и показал на соседскую дверь, – сторожить!

Тинто Брасс длинно вздохнул, потоптался и с шумом рухнул на вытертый коврик.

– Молодец, – похвалил Архипов, – а ты давай за мной!

– Куда... за вами? – мгновенно перепугался Макс. – Я за вами не хочу!

– Я тоже не хочу, – признался Архипов, – но ничего не поделаешь. Давай, давай!

Он подтолкнул юнца в спину, еще раз оглянулся на площадку, где, развалившись, лежал Тинто Брасс, и прикрыл за собой дверь.

Черная тень в остроконечном колпаке шевельнулась в чернильном сгустке тьмы на лестнице. Шевельнулась и стала медленно отступать. Тинто поднял голову.

– Хорошая собачка, – прошелестела тень едва слышно, – хорошая собачка.

Тинто молчал, только смотрел настороженно.

Тень еще шевельнулась и пропала, проглоченная мраком.

Первым делом Архипов натянул свитер. Шерсть неприятно кололась и терла кожу, как будто ставшую слишком тонкой. Вот как замерз!

– Значит, так, – приказал он, вытаскивая из гнезда телефонную трубку, – никуда не ходи. Садись здесь и сиди. Ему не хотелось, чтобы приткий юноша Макс Хрусталеv спер у него из дома что-нибудь ценное.

– Больно мне надо ходить! – огрызнулся тот и приткнулся на стул. И огляделся с первобытным любопытством. От любопытства он даже на минутку позабыл, что голоден и от голода шумит в голове и сводит желудок. Ему показалось вдруг, что он попал в телевизор.

Вот он уходит из дома, и едет на вокзал в раздолбанном автобусе номер три, и мается в кассе между бабками в платках и потными мужиками с мешками на плечах, и покупает билет в общий вагон – у него были деньги, немного, заработанные прошлым летом, когда приезжали строители ремонтировать храм Петра и Павла на рыночной сенежской площади. Макс Хрусталеv толкался у них довольно долго, и от нечего делать они научили его штукатурить. Хорошие были рабочие, откуда-то издалека, из Ашхабада, что ли. Пили мало – или совсем не пили, вот чудеса-то! – носили брезентовые комбинезоны, не разговаривали почти, ели аккуратно и обстоятельно, как будто делали важное дело, – голод опять скрутил в узел живот, – а по вечерам молились. Бригадир Рахим, самый бородатый и суровый, водку, которую несли со всего города – мало ли чего в хозяйстве нужно, то крышу перекрыть, то канаву выкопать, то камень из огорода откатить, – возвращал всегда с одними и теми же словами: «Нам Аллах не велит», а за крышу или канаву брал деньгами и натурой – молоком, медом. Мяса тоже не брал.

Петра и Павла невиданные рабочие облагородили очень быстро, к осени уж все сделали и укатали. Макса научили штукатурить, а потом заплатили за работу.

Целых триста рублей заплатили.

На сто Макс купил себе куртку, сто отдал матери, надеясь ее задобрить, а сто приберег. Билет до Москвы примерно так и стоил, но ушлый и тертый Макс знал, что в Москве есть еще метро, в которое без денег ни за что не пустят, и всю дорогу не ел и не пил, проверял карман, лежа на третьей полке, а теперь вот попал в телевизор.

В этом телевизорном нутре жизнь устроена совсем не так, как настоящая, снаружи. Здесь был коричневый ковер, а перед дверью – полукругом – блестящая плитка: просторные стены, а на стенах картины – загляденье, ничего не поймешь! – широкий диван, высокие стулья перед длинной и узкой шутовщиной. В Сенеже такую шутовщину он видел только в баре. Бар назывался «Хилтон» и имел нехорошую репутацию. Еще здесь был низкий столик с бумагами, разлапистые кресла, огромный серебряный телевизор на низких блестящих ногах, а за спиной у Макса оказалась вроде бы кухня – все синее с желтым, новое, сверкающее, как будто тут по правде никто не живет.

Не выпуская из виду гостя, Архипов выудил из нижнего ящика обувной полки огромный растрепанный справочник «Вся Москва» и кинул его на стойку. Гость вздрогнул, как будто Архипов «Всей Москвой» дал ему по голове.

– Когда собираешься к родственникам в гости, – сказал Архипов, распахивая холодильник, – предупреждать надо. Повезло тебе, что я добрый, сильный и справедливый, как Робин Гуд.

– Вы как Робин Гуд? – не поверил юнец.

– Я. Ботинкиними и руки вымой. Ты что, навоз возил?

– Не возил я навоз!

– А по-моему, возил.

Один о другой Макс Хрусталеv стащил ботинки, извиваясь всем телом, слез с высоченного стула и поплелся к раковине. Крана не было. Была диковинная плоская ручка, в которой отражалась уменьшенная и перевернутая люстра.

– Вверх.

– Чего?

– Вверх тяни.

Он потянул, и вода неистово брызнула в разные стороны, широким веером вылетела из раковины и залила Максு штаны.

– Да не так сильно!..

– Чего?!

Архипов подошел и закрыл кран. И снова открыл:

– Руки мой – чего, чего!

Макс послушно стал намыливать руки. Штаны спереди стали совершенно мокрые, да еще на пол налилась небольшая лужица.

– А теперь чего?

– А теперь вытирай.

– Чем?

– Вон салфетки.

Целая катушка толстых и мягких салфеток была надета на деревянный фигурный штырь, торчавший из стойки. Макс вытер руки и растерянно посмотрел на Архипова.

– Садись, – раздраженно сказал тот, – черт, навязался на мою шею!

– Я вам не навязывался!

– Еще как навязался!

Макс снова влез на стул, и перед носом у него очутилась огромная тарелка с розовыми кусками мяса и желтыми кусками сыра – куда там старику с его бубликом! Вместо хлеба в плетенке лежала длинная поджаристая палка, огромные ломти. Эти ломти пахли так, как пахло в Сенеже возле хлебозавода. Макс икнул.

– Ешь, – велел Архипов и отвернулся.

Макс снова икнул. Руки затряслись и похолодели, в глазах поплыло. Так у него плыло в глазах только один раз. Когда он на спор с пацанами закурил сразу шесть папирос и выкурил их до конца. Макс судорожно выпрямился и задышал открытым ртом, разевая его, как рыба, и по-рыбьи же тараща мутные глаза.

Все-таки он справился с собой, муть откатилась от головы, ему удалось протянуть руку к ломтю поджаристого хлеба, и он стал жевать, отрывая зубами огромные куски и стараясь глотать не слишком шумно.

Архипов на середине открыл толстенный справочник и стал листать тонкие, мелко напечатанные страницы.

Ему нужны были медицинские учреждения.

Юнец затолкал в рот последний кусок хлеба и сразу же схватил второй. Почему-то он ел только хлеб, а сыр и мясо не трогал.

Архипов нашел больницу номер пятнадцать, отчеркнул ручкой номер и позвонил.

В приемном покое – ясное дело! – никто не знал ни про какую Марию Викторовну Тюрину, и он едва выпросил телефон какого-то отделения, откуда его послали в хирургию, и в хирургии никто долго не брал трубку, и он снова набрал, решив, что ошибся, и снова ждал.

Юнец добрался наконец до сыра и мяса, рвал их зубами, глаза были бессмысленными.

– Хирургия, але! – ответил тусклый голос, который Архипов немедленно узнал.

Узнал и покосился на часы – ровно три.

– Здравствуйте, Мария Викторовна, – сказал он любезно. – Архипов Владимир Петрович вас беспокоит, сосед.

– Кто-о? – оторопело спросили из трубки.

– Архипов, говорю! – Он слегка повысил голос. – Мария Викторовна, к вам родственник прибыл. Погостить. Именуется Макс Хрусталева. Пока гостит у меня.

В хирургии воцарилось молчание. Памятуя народную мудрость номер три – о паузе, которую нужно держать, – Архипов посмотрел на родственника Марии Викторовны, а потом на чайник. Родственник жадно и некрасиво ел. Чайник готовился закипеть, шумел громко и уверенно.

Архипов достал с полки чашку, сахарницу и коробку с чайными пакетами. Мария Викторовна все молчала.

– Вы... – помолчав еще немного, выдавила она, – вы ошибаетесь, наверное. У меня нет никаких родственников.

– Господин Хрусталеv вам не родственник?

Вышеупомянутый господин вдруг перестал жевать и уставился на Архипова. В глазах у него больше не было голодной мути, только, пожалуй, страх.

– Я... не знаю.

– Не знаете, родственник он или нет?

– Почему он... у вас?

– Поначалу он был у вас, – заявил Архипов. – Я валандаюсь с ним уже час.

– Почему вы с ним... валандаетесь?

– Потому что среди ночи залаяла моя собака! Дверь в вашу квартиру была открыта. Я вошел и нашел на полу родственника. Если он родственник, конечно.

– Как – открыта?! – вскрикнула Мария Викторовна во весь голос. – Почему открыта?!

– Вот этого я не знаю, – признался Архипов. – Так он родственник или нет?

– Да, – произнесла она устало, – это мой брат.

– Вот как, – изумился Архипов. – А я что-то слышал о том, что у вас нет кровных родственников.

– Есть, – сказала она. – Он все еще у вас?

– Где же ему быть!

– Дайте ему трубку, – распорядилась она, и Архипов разозлился. Бесцеремонность всегда его раздражала.

– Это вас, – сказал он юнцу и сунул ему трубку.

– Да, – пробасил юнец, с трудом проглотив очередной кусок мяса. – Манька, это ты?

Архипов прикидывал, чего бы ему выпить – чаю, кофе или коньяку, – и решил, что кофе. Все равно не спать!

Юнец слушал, что ему говорила Манька, недолго. Архипов даже не успел насыпать в кружку кофейной крошки.

– Она теперь вас просит.

Пластмасса, там, где ее держал Макс Хрусталеv, была теплой и влажной. Архипову не хотелось ее трогать, и он прижал трубку плечом.

– Ну что, Мария Викторовна?

– Я сейчас приеду, – быстро сообщила она. – Вы меня извините, Владимир Петрович, пусть он еще у вас побудет.

– У меня?! – поразился Архипов.

Он наивно надеялся, что остаток ночи проведет в собственной постели, а не в обществе брата «бедной девочки» Маши Тюриной.

– Да, – нетерпеливо сказала она, – не пускайте его в мою квартиру! Я вас умоляю, пожалуйста!

– А я что должен с ним делать?!

– Ничего! Ничего. Я сейчас приеду и уведу его. Он не должен здесь оставаться.

– Сейчас – это когда? – уточнил Архипов, злясь все сильнее. – Кроме того, моя собака сторожит вашу квартиру. Мне хотелось бы забрать ее обратно.

– Я... я постараюсь побыстрее. Только отпрошусь и...

– Так, – заявил Архипов твердо. Все же он был вожак. Может быть, Мария Викторовна об этом ничего не знала. – Значит, так. Моя собака продолжает сторожить вашу квартиру. Ваш брат остается у меня. Вы приедете утром. Часам... – Он секунду подумал. – ...к девяти. Не к шести, не к восьми, а к девяти. Вам ясно, Мария Викторовна Тюрина?

– Почему... к девяти? – помолчав, смиренно спросила она.

– Потому что до девяти я забудусь крепким спокойным сном. Приедете к шести, будете на лестнице сидеть. Моя собака без меня в вашу квартиру никого не пустит, а в мою вы смело можете не звонить. Я не открою. Договорились?

Она молчала, и он понял, что победил.

Он посадил себе на шею сенежского брата, который ел, как бездомный пес. Он взял на себя – вернее, на Тинто Брасса – охрану соседской квартиры. Он создавал самому себе массу неудобств, но что неудобства в сравнении с тем, что последнее слово все-таки осталось за ним и длинноногая, веснушчатая, темноволосая, высоченная Мария Викторовна согласилась выполнить все его указания и вообще теперь у него в долгу.

Впрочем, она еще пока ни с чем не согласилась.

– Але, госпожа Тюрина!

– Хорошо. В девять. Спасибо вам большое, Владимир...

– Петрович, – подсказал Архипов.

– Владимир Петрович. Я... я вам заплачу.

– Я не служба по передержке собак, – отозвался он любезно, – мне гонораров не нужно. Обойдусь. С меня Лизавета Григорьевна обещание взяла.

– Господи, – вдруг простонала на другом конце ночного города Маша Тюрина, – зачем же она еще и вас-то впутала! Впутала, а сама умерла! И меня одну оставила!

– Во что... впутала? – осторожно поинтересовался Архипов и посмотрел на родственника, который все ел, ел, ел без остановки.

– Я не знаю, – с отчаянием сказала Маша, – я сама не знаю, Владимир Петрович, но во что-то... страшное.

Архипов сунул руку под свитер и потер спину – позвоночник, который зудел невыносимо.

Народная мудрость номер шесть гласила – никогда не беги впереди паровоза. Любопытство *на самом деле* порок. Чуть-чуть терпения, и все узнается само.

Поэтому он снисходительно попросился:

– Спокойной ночи, Мария Викторовна. Или с добрым утром, как хотите. К девяти мы вас ждем.

И повесил трубку, даже не стал ждать, когда она с ним попрощается, – вот какой молодец.

– Ну чего? – с тревогой спросил юнец, как будто Архипов был его закадычный приятель, только что сдавший трудный экзамен.

– Чего?

– Чего она... сказала-то?

– Она ничего не сказала. – Архипов налил в кофейный порошок кипятку. – А я сказал, что ты останешься у меня до утра. Утром она приедет, и вы все решите.

– У ва-ас?

– У на-ас. Сколько тебе сахару?

– Шесть.

– Шесть... чего шесть?

– Ну, ложек.

– Как это мило, – сам себе бормотнул Архипов, – шесть ложек! Насыпай сам, я со счета собоюсь.

– А чего?

– Ляжешь в моей комнате на полу. У меня там матрас и одеяло. Я тебе не доверяю, а так все-таки на глазах.

– Да говорил же, что я не вор! Не стану я тут ничего красть! Больно мне надо! Я... в гости приехал, а не воровать!

Архипов взглянул на него и отхлебнул кофе.

– А мне Лизавета Григорьевна говорила, что у Маши никаких родственников нет.

Юнец презрительно фыркнул и пожал плечами. Губы у него шевелились – он считал ложки с сахаром. Досчитал, старательно помешал, издали вытянул дудочкой губы, приблизил дудочку к краю кружки и стал шумно пить.

– Горячо, – заявил он, остановившись.

– Сколько дней ты не ел?

– Три.

– Почему?

Макс опять пожал плечами. Куртчонка колыхнулась и опала складками.

– Мать не давала. А потом я... уехал.

– А мать почему не давала?

– Да она мне уж давно не дает, – залихватским тоном ответил Макс и опять нагнулся, вытянул шею, сложил губы – приготовился к чаепитию. – Я учусь плохо. А она говорит – раз не учишься, так нечего мои деньги прожирать. И не дает есть.

«О господи», – подумал Архипов Владимир Петрович.

Или он врет? – А где же ты ешь?

– Когда бабка дает. Когда у пацанов.

Значит, есть еще бабка. Выходит, у девочки Маши просто куча родственников.

– Зачем ты приехал?

– Чего?

– Того. Зачем, спрашиваю, приехал?

– Так. В гости. К Маньке.

– Она твоя... родная сестра?

– Не-а. У нас папашка один, а мамашки разные.

– А деньги на дорогу украл?

– Ничего я не крал! Говорю же, я не вор! Не вор!

– Тогда где взял?

– Заработал я! Я... штукатурить умею. В прошлом году работягам помогал и заработал.

Архипов открыл было рот, чтобы продолжить свои расспросы, и остановился.

Зачем?! Ему-то что за дело?! Кроме того, существовала еще народная мудрость номер шесть. Про то, что любопытство на самом деле порок.

– Ну вот что, – предположил он, одним глотком выпив остатки кофе, – давай спать ложиться. Мне завтра на работу.

Макс Хрусталева с сожалением отставил свою чашку, в который еще болтался чай с шестью ложками сахара.

– Можешь допить, – разрешил Архипов, и юнец стал торопливо глотать. Через секунду с чудовищными всхлипами он выудил из чашки последние капли и, не мигая, уставился на Архипова.

– Иди сюда.

Макс сполз со стула и побрел за ним. Владимир Петрович распахнул дверь в ванную.

– Сначала вымоешься. У тебя блох нет?

– Чего?!

– Вон шампунь и мочалка. Давай-давай, шевелись! Ты знаешь, сколько времени?!

– Мне чего, штаны при вас снимать?

– А ты что? Скромный?

Макс пожал плечами и нехотя стянул с плеч курточку. Под ней оказалась замызганная дешевая майка со зверской рожей посередине живота. Покосившись на Архипова, он стянул майку и переступил ногами – от неловкости. Без майки он напоминал грязную стиральную доску – волны ребер, серая кожа, впалый жидкий живот.

«Да уж, – подумал Архипов. – Может, «мамка» и впрямь есть не дает!..»

Памятуя о его мучениях с краном, Архипов сам открыл воду в душевой кабине и даже пощупал, достаточно ли теплая.

– Давай.

– Чего?

Архипов едва сдержался, чтобы не ответить – чего, и вышел. Было совершенно очевидно, что никакие его собственные штаны и майки Макс Хрусталеву не годятся. Конечно, в архиповскую майку его можно запеленать с руками и ногами, но вряд ли он согласится.

Он долго копался в гардеробе, пока не нашел то, что искал, – старые шорты на веревочке и розовую кофтенку, в которую переодевалась домработница Любана, когда готовилась к трудовым подвигам. Любана хоть и была в теле, но все же не такая здоровенная, как Архипов.

Вода в душе все шумела.

Архипов распахнул дверь, и в коридор немедленно и густо повалил пар.

В белых клубках, в сиянии крохотных мощных лампочек, в сверкании плитки, зеркал, полов стоял совершенно голый Макс Хрусталев. Вода хлестала за раздвижной панелью, а он, не отрываясь и разинув рот, смотрел на широкую полку, где теснились одеколоны, шампуни, пенки и прочая парфюмерная дребедень, которую Архипов любил.

У Архипова вдруг загорелись щеки – как будто Макс поймал его на чем-то неприличном.

– Воду бы хоть закрыл, – сказал он злобно.

Юнец вздрогнул и захлопнул разинутый рот – даже зубы стукнули.

Архипов зашел, чуть не толкнув его, выключил воду и с силой дернул панель. Сразу стало очень тихо.

– На.

– Чего?

– Наденешь это.

– Зачем?

– Затем, что я так сказал.

– А это, – Макс кивнул на полку и посмотрел на Архипова, – все ваше?

– Наше.

– Ва-аше?! Вы че, духами мажетесь?

– Мажусь.

Макс гоготнул:

– Вы че? «Голубой»?

– И не надейся даже.

– Чего?

Все-таки Архипов пробурчал себе под нос – чего. Макс покосился на него с некоторым испугом.

– Вытрись и оденься.

«Голубой», надо же! Черт бы побрал этого недоумка!

В спальне он в два приема разложил огромный круглый матрас.

Матрас он купил на какой-то французской выставке, которая называлась «Уют-2000». Архипов купил его просто потому, что никогда раньше не видел таких вещей. В сложенном виде матрас напоминал диванчик и на нем можно было сидеть. В разобранном – он напоми-

нал мягкую лужайку, как будто собранную из лоскутной мозаики. К лужайке прилагались еще подушки и одеяло.

Тинто Брасс за то, чтобы поваляться на этом матрасе, полжизни бы отдал.

Зашлепали босые ноги, и Архипов приказал, не оборачиваясь:

– Ложись. И не вздумай ночью шастать по квартире и не пытайся ничего спереть!

– Я не вор, сказано же!

– Это я уже слышал.

Он вышел из спальни, чтобы посмотреть, как там его собака. На звук открываемой двери Тинто поднял громадную голову. Сверкнули глаза и металлические кнопки на ошейнике.

– Молодец, – похвалил Архипов, – охраняй, Тинто!

Когда он вернулся в спальню, Макс Хрусталеv в розовой Любашиной кофтенке и его собственных старых шортах спал на самом краешке лоскутной поляны, свернувшись худосочным калачиком. Одеялом он не накрылся и подушку под голову не подложил.

Архипов подумал-подумал, а потом, приподняв за край матрас, откатил гостя на его середину и кинул на него одеяло. Тот забормотал, устраиваясь и подтягивая колени, и Архипов погасил свет.

Полежал и зажег тусклую лампочку.

Может, он и не жулик, но так, на всякий случай.

Архипова разбудили отдаленные мелодичные переливы.

Он перевернулся на спину и сонно почесал живот.

Вот черт. Ну и ночь.

Может, позвонить на работу и не приезжать? Придумать что-нибудь возвышенное – например, аллергию. Или... или... мигрень. Мигрень – это достаточно возвышенно или не слишком?

Архипов потянулся так, что в позвоночнике и шее произошло какое-то движение, и ско-сил глаза на матрас «Уют-2000». Посреди матраса высилась цветастая горка, больше ничего видно не было.

Волны мелодичных переливов наплыли со стороны входной двери, и Архипов понял, что кто-то звонит в дверь.

Должно быть, прибыла Мария Викторовна – по-родственному Манька.

Архипов нашарил на полу давешние джинсы, кое-как их натянул, зевая, потащился к двери и распахнул ее, не глядя.

– Здрасти, госпожа Тюрина.

Она на секунду задержалась с ответом, и он решил, что это из-за его слишком уж домашнего вида.

– Прошу прощения, я без галстука, – буркнул он и опять почесал голый живот, на этот раз не без умысла, – в галстук спать... неудобно.

– Доброе утро, Владимир Петрович, – пропищала она. – А где мой... брат Максим?

– Ваш брат Максим спит, – проинформировал Архипов. – Если хотите получить его немедленно, будите сами.

– Где он... спит?

Архипов не спеша выглянул на лестничную клетку и возликовал, как будто увидел близкого человека после многолетней разлуки.

– Тинто! Как ты тут? Иди ко мне, хорошая собака! Хорошая, хорошая собака! Вот Мария Викторовна явилась, она тебя на боевом дежурстве сменит! Да, Мария Викторовна?

Она растерянно молчала.

– Мы интересуемся, – продолжил Архипов, присел и положил руку на голову своей собаке, – мы интересуемся, может, вы дверь на ключ закроете? Может, мы покинем пост номер один?

– Ну, конечно! – воскликнула она торопливо. – Конечно, конечно! Спасибо вам большое! Спасибо, собачка!

Тинто Брасс напружинил свои складки и негромко зарычал.

– Он не любит, когда его называют собачкой, – объяснил Архипов. – Какая же это собачка! Пудель – вот собачка, а Тинто у нас...

Он поднялся с корточек и неожиданно оказался нос к носу с ней.

Очень близко. Неприлично близко. Совсем близко.

У нее было замученное лицо, бледное сине-зеленой некрасивой бледностью. Под глазами и на висках желтизна. Нос заострился, и не видно на нем никаких веснушек. Темные волосы заложены за уши. В руках она держала огромную коричневую сумку, и этой сумкой моментально загородилась от Архипова, выставив ее перед собой. И отвела глаза.

Ему стало неловко.

– Вы больны?

Трудно было заглянуть ей в лицо с отеческой незаинтересованностью, но он постарался.

– Я не больна, Владимир Петрович. Я очень... устала. Ужасно.

В конце концов, он пообещал полоумной Лизавете, что станет заботиться о девочке Маше. И он предложил:

– Хотите, я вас покормлю завтраком? Все равно ваш брат... Максим спит. Заприте свою дверь. Давайте. Вы сможете.

Она тускло улыбнулась:

– Мне неудобно.

– Конечно, неудобно, – согласился Архипов, с трудом обретая свой обычный тон. – Мне тоже неудобно, но ничего не поделаешь.

Она поставила на пол сумку, подошла к своей двери, порылась в плотном джинсовом кармане и вытащила ключи.

Архипов, следивший за каждым ее движением, слегка взмок от того, как она рылась в кармане.

Да что такое-то?!

– Вы не заметили, откуда ничего... не украли?

– Откуда?

Она кивнула на свою дверь:

– Из тетиной квартиры? Не заметили?

Она спрашивала так, как будто ни тетя, ни квартира не имели к ней, Маше Тюриной, никакого отношения. Архипов удивился и перестал думать о том, как она рылась в кармане.

– Понятия не имею. А кто мог украсть? Ваш брат? Или я?

Она перепугалась:

– Что вы, что вы, я совсем не то имела в виду! Вы тут совсем ни при чем, Владимир Петрович.

– Это уж точно, – пробурчал Архипов.

– Дверь-то была открыта. Вы сами сказали. Дверь была открыта, и Макс вошел.

Архипов опередил ее на одну секунду и первым ухватился за коричневую сумку. Просто так ухватился, из джентльменства. Нести ведь было недалеко.

– Вы не знаете, ваш Макс не жулик?

– Я вообще ничего про него не знаю, – ответила она с усилием и вдруг потеряла желто-зеленые щеки.

– А в лицо знаете?

– Наверное, узнаю.

– Высокие отношения! – воскликнул Архипов, и Маша посмотрела на него испуганно. – Высокие, высокие отношения!

Она вошла и остановилась в центре полукруга сверкающей плитки.

– Направо, – предложил Архипов, – если очень замучились, можете сходить в душ. Хотите?

– Нет!

Он усмехнулся:

– Так я и знал. Ваш брат тоже сопротивлялся из последних сил.

– Когда... сопротивлялся?

– Когда я волок его в душ.

Она посмотрела на Архипова с тоской. Как будто он заставлял ее делать что-то, чего ей ни в коем случае делать нельзя. Например, улыбаться.

– У вас... совсем другая квартира. Не похожа на нашу.

– Конечно. Я все поменял, когда делал ремонт.

– Зачем? По-моему, в старых квартирах жить гораздо уютнее.

– Должно быть, потому, – провозгласил Архипов, – что я отчаянно молод душой и жить в старой квартире не могу! Подай мне модерн, и все тут.

– Правда? – наивно спросила она.

– Правда, – подтвердил Архипов.

Она стащила с узких плеч немудрящую кожаную тужурочку, оставшись в штучковине с горлом и без рукавов, а он, наоборот, нацепил свитер, брошенный вечером в кресло.

Свитер прикрыл его, как броня. Все прикрыл – не только голый живот, но и мысли, и смутное воспоминание о том, как она доставала ключи, а джинсовая ткань обтягивала длинную ногу.

Потирая ладошками худые предплечья, она обошла по кругу большое помещение, некоторое время порассматривала картины, и даже по ее спине Архипов видел, как все это ей неинтересно.

– Красиво.

– Не утруждайтесь, – посоветовал Архипов невозмутимо, – я вполне обойдусь без ваших комплиментов.

Она печально на него посмотрела и присела на высокий стул, где давеча сидел ее брат.

– Вы... скучаете по Лизавете Григорьевна?

– Не утруждайтесь, – сказала она тихо. – Я вполне обойдусь без вашего сочувствия.

Ого!

Вот тебе и медсестра из пятнадцатой горбольницы.

– Сливки налить?

– Что?

– Сливки в кофе налить?

– Да, спасибо.

Он поставил перед ней большую чашку огненного кофе с круглой горкой снежных сливок и керамическую миску клубники – крупные, красные, блестящие, шершавые, холодные ягоды.

Она уставилась на клубнику, которая немедленно отразилась в темных золотистых глазах.

«Не стану на нее смотреть, – решил Архипов. – Ни за что не стану. Куда меня несет?!»

– Простите, что я вам так вчера нахамила, – покаянно произнесла она, и Архипов отнес это на счет клубники. – Я последнее время... не в себе.

Он кивнул и устроился напротив. Пришлось еще выискать положение, чтобы его ноги не касались ее джинсовых ног.

Она болтала ложкой в чашке, разваливая снежную гору, которая постепенно становилась коричневой.

Архипов отхлебнул кофе и посмотрел в окно.

Рабочий день начинается. Больше всего на свете он любил утро – начало рабочего дня.

– Маша.

Она вздрогнула и уронила ложку. Ложка зазвенела на мраморном прилавке.

– Маша, давайте вы быстренько обрисуете мне положение дел, – предложил Архипов, – и мы все решим. Потом разбудим вашего брата, и вы пойдете спать, а я на работу.

– О чем вы... говорите?

– Я говорю о ваших делах. – На «ваших» он поднажал. – Рассказывайте.

– Мне нечего рассказывать, Владимир Петрович.

Она напряглась так сильно, что дрогнула длинная джинсовая нога под столом. Архипов слегка отодвинулся вместе со своим стулом. От греха подальше.

– Не беспокойтесь, вы будете рассказывать по плану.

– По какому плану?!

– Пункт первый. Почему ваша тетушка так настойчиво меня убеждала, что у вас нет никаких родственников? Вы знаете, она даже заставила меня расписку написать, что я буду вам помогать и в случае чего не оставлю!

– И вы написали?!

– Ну конечно, – ответил Архипов с досадой, – от вашей тетушки отвязаться было невозможно! Кроме того, я думал, что вам пять лет.

– Почему? – удивилась она.

Он вздохнул.

– Потому что я не имел о вас никакого представления, вы уж извините. Больше того, ваш образ ни разу в жизни не потревожил мой сон. Я знал, что у Лизаветы есть какая-то приемная девочка, и все. То есть у Лизаветы Григорьевны. Я думал, она волнуется, что вас сдадут в детдом.

Маша не отрываясь смотрела в свою чашку. Губы у нее кривились.

– Пункт второй. Что за люди валом валят в вашу квартиру? Откуда они взялись? Почему взялись только после смерти Лизаветы Григорьевны? Кстати, от чего она умерла?

– От сердца.

– У нее было больное сердце?

– Да. Всю жизнь.

– Пункт третий. Что за ересь про нож, предвестник смерти, кровавый дождь, ритуальный круг и все остальное? Если у нее всегда болело сердце, почему ей только на прошлой неделе пришла в голову мысль, что она может... умереть? Почему она так... несокрушимо в это поверила?

– На прошлой неделе, – как во сне повторила Маша, – на прошлой неделе она была жива. В понедельник на прошлой неделе она была со мной. А теперь ее нет.

– Пункт четвертый, последний. Он состоит из подпунктов «а» и «б». «А» – почему ваш брат приехал именно сейчас? Вы что, сообщили ему о смерти тети?

– Нет!

– «Б», – невозмутимо продолжил Архипов, – у кого есть ключ от вашей квартиры? Кто мог ее открыть? Замок не взломан. Вы сейчас легко и непринужденно ее закрыли. Значит, она была открыта ключом. В вашей квартире есть ценности?

– Я не знаю, – пробормотала она. – я ничего не знаю. Это тетина квартира, а не моя.

– Сколько лет вы жили вместе с тетей?

– Пятнадцать.

– Всего ничего, – подытожил Архипов. – И не знаете, есть ли в квартире ценности?

– Не знаю, – ожесточенно сказала она. – Конечно, что-то есть. Например, старинная посуда. Хрусталь. Картины.

– Репина Ильи Ефимовича?

– Почему... Репина?

– А чьи?

– Тетиного мужа.

– Это не в счет, – заявил Архипов, – тетиного мужа красть не стоит. Стоит красть как раз Илью Ефимовича. Или у мужа была фамилия Малевич, а не Тюрин?

– У мужа была фамилия Огус. Тюрина только я.

– Конечно, не так красиво, как Огус, но тоже вполне ничего, – оценил Архипов. – Рассказывайте, Маша.

Она обняла чашку ладонями и сильно сторбилась. Ладони были длинные и узкие, кожа шершавой и грубой даже на вид.

«Не стану смотреть, – мрачно повторил себе Архипов. – Не стану. Ни за что».

– Начинайте с родственников, которых у вас как будто нет, а на самом деле великое множество. В городе Сенеже.

– Мне было девять лет, когда тетя взяла меня к себе. Я не помню никаких родственников.

– Маша!

Она упрямо посмотрела на Архипова.

– Я не хочу никаких родственников, – повторила она с тихим упорством. – У меня была тетя. Больше никого.

– Тетя – сестра вашего отца?

Она снова взялась мешать ложкой в чашке. Архипов следил за ложкой – чтобы не смотреть на нее.

– Лизавета Григорьевна – первая жена моего отца.

Архипов присвистнул.

– Что вы свистите, а сами ничего не знаете! – в сердцах воскликнула Маша Тюрина и перестала водить ложкой в чашке.

– Я потому и спрашиваю, что не знаю!

– Да зачем вам это?!

«Да, – подумал Архипов, – действительно, зачем?»

Затем, что я благородный Робин Гуд и всегда выполняю свои обещания, или затем, что она мне... что я ее...»

Ерунда какая-то.

– Сегодня всю ночь, – сказал Архипов сварливо, – я занимался вашими делами. Вашей квартирой, вашей дверью, вашим братом. Мне хотелось бы получить... компенсацию.

– Какую компенсацию? – перепугалась Маша.

Интересно, что она подумала?!

– Удовлетворите мое любопытство, – предложил Архипов, – и я от вас отстану. Расскажите мне, только без вранья, что такое с вами происходит, о чем таком страшном вы говорили по телефону, что за история с бывшей женой отца и прочими родственниками.

– Лизавета Григорьевна – первая жена моего отца, – быстро сказала Маша. – Потом они разошлись, и он женился на моей матери. Моя мать сбежала, когда мне было семь. Отец женился на матери Макса, а потом умер, попал под поезд. На похороны приехала тетя, то есть его первая жена, и забрала меня в Москву.

– Зачем?

– Я никому не была нужна, – отчеканила Маша, – лишний рот. Куда одинокой женщине с двумя детьми! Макс был маленький совсем, годик или около того. Я помню, что он был толстый и все время хохотал. Хватал себя за пятку и хохотал.

«Толстый, – подумал Архипов. – Толстый и хохотал».

– Галя хотела, чтобы меня забрали в детдом. Я хорошо это помню. Только я больше всего на свете боялась детдома. Он у нас рядом, я часто видела... детдомовских. Знаете, если в городе что-то стряслось, первым делом говорили: это небось детдомовские.

– Галя – это...?

– Галя – это мать Макса. Третья жена отца. От детдома меня спасла тетя. Просто взяла и увезла. И привезла в Москву. Я... каждую ночь боялась, что меня заберут обратно! Я до сих пор просыпаюсь от малейшего шороха, мне кажется, что это идут за мной.

– У вас расстроены нервы, – неторопливо произнес Архипов.

– Вас никогда не пытались сбыть с рук? – язвительно спросила она. – Вы хоть раз в жизни шли домой, зная, что в любую минуту вас могут выставить? Что ужинать не дадут? И не потому, что все вокруг... чудовища, а потому, что никому не важно, поела я или нет, где я была, жива ли я?!

– Прошло пятнадцать лет. Пятнадцать – я ничего не путаю?

– Не путаете. Пятнадцать.

– Лизавета Григорьевна обожала вас, – заявил Архипов неизвестно зачем. Утешить хотел, что ли? – Обожала. Она три часа просидела у меня и заставила написать обещание, что я вас не оставлю.

Тут Маша Тюрина вдруг улыбнулась.

– Да, – сказала она с гордостью, – она такая. Если уж привяжется, то берегись. Не отстанет.

– Она вас удочерила?

– Да. Но мамой велела не называть, хотя мне очень хотелось. У всех были мамы, а у меня нет. В школе я всем говорила, что она моя мама. А дома я звала ее тетей. Она говорила, что где-то есть моя настоящая мать и мы не имеем права об этом забывать, и все такое.

– Вы ничего о матери не знаете?

– Нет, – резко ответила Маша, – и не желаю знать! Она бросила меня, а я, видите ли, «должна и не имею права»! Господи, тетя была такой идеалисткой!

– Почему ваша мать ушла?

– Потому что у нее случился роман, – объяснила она со светлой ненавидящей улыбкой. – Я это прекрасно помню. В Сенеже квартировал какой-то авиационный полк. «Летчики, пилоты, бомбы, пулеметы», все как следует. За матерью кто-то стал ухаживать, потом его перевели, и она уехала за ним. Все.

– И с тех пор вы не виделись?

– Нет. Мне наплевать на нее.

Хорошо, если так. Только не наплевать тебе, дорогая Маша Тюрина. У тебя вон даже ручки трясутся, когда ты про нее говоришь.

– А ваш брат?

– Что?

Она отхлебнула кофе и опять обхватила ладошками чашку.

– Откуда он взялся? У него был ваш адрес? Или вы с ним общаетесь?

– Адрес, конечно, был. – Она слегка удивилась. – Тетя никогда не скрывала, где мы живем, и никуда не переезжала. Она привезла меня именно в эту квартиру, и мы в ней жили... все это время. Когда она меня забрала, адрес Гале оставила. А Макса я не видела с тех пор, как он... сосал пятку. Я его тогда любила. И он меня любил. Я с ним гуляла. Приду из школы, соберу его, в коляску – и гулять. Там, знаете, везде булыжник. Мы едем, колеса по булыжнику

стучат, листья падают. Осень, что ли, была? Возле хлебозавода в палатке нам давали рогалик, один на двоих. Там такая добрая тетка торговала, она нас знала. Помните, были рогалики по пять копеек?

– Помню.

– А нам она просто так давала. Мы разламывали и ели. Макс маленький был, он его сосал, вся мордочка грязная делалась. Я к озеру ехала, умыть его, чтобы Галя не ругалась. Вода холодная, аж пальцы сводит, разве такой можно ребенка умыть?! Но я тогда ничего не понимала. А приезжали мы уже затемно. Когда тетя решила меня забрать, Галя все причитала – кто с ребенком станет гулять?

Они помолчали.

– Я по нему скучала, – призналась Маша через некоторое время, – очень. Он мне снился. Я все думала: кто там без меня с ним гуляет? И рогалики. Мы же их по секрету ели, никто не знал. Кто ему станет их покупать?

– С ним вы тоже с тех пор не виделись?

– Нет. Тетя все хотела поехать, и все не складывалось. А однажды я подслушала, как она кому-то по телефону сказала, что не хочет ехать, чтобы меня не травмировать. Говорю же, идеалистка!

– А почему он именно сейчас приехал? Не год назад и не через год? Тоже не знаете?

Она покачала головой.

– И даже не догадываетесь? И ничего не предполагаете?

Архипов встал и ушел к плите. Пока он шел, в позвоночнике, в самой середине, зажужжало крохотное острое веретене, вонзаясь все глубже и глубже в нервы и кости. Он оглянулся и понял – Маша Тюрина пристально смотрит ему в спину.

Он чуть не попросил – отвернитесь.

Вместо этого он сказал:

– Хорошо. С родственниками разобрались, более или менее. Теперь давайте разберемся с песнопениями и ключами от квартиры.

Тут одновременно произошли два события.

Зазвонил телефон, и в дверном проеме нарисовалась тощая фигура в розовой кофтенке и шортах, подвязанных веревкой примерно на уровне подмышек, отчего фигура походила на пионервожатого времен кукурузной советской удали. Не хватало только галстука и дерматиновой папки с речевками.

– Вот ваш брат, – представил Архипов непринужденно, – Макс Хрусталеv.

– Доброе утро, – вежливо поздоровались в телефонной трубке.

– Доброе, – отозвался Архипов. Голос был совсем незнакомый.

– Архипов Владимир Петрович?

– Он самый.

Краем глаза он видел, как Маша Тюрина неловко приблизилась к своему уныло-пионерскому братцу и так же неловко обняла его за плечи. Братец стоял столбом и тарачил на нее глаза.

Она возила его гулять в коляске. Была осень, падали листья, и добрая тетка давала им рогалик, один на двоих.

С тех пор пошла целая жизнь.

Не хотел бы Архипов оказаться на ее месте.

– Владимир Петрович, вас беспокоят из нотариальной конторы. Меня зовут Грубин Леонид Иосифович.

– Вот как, – удивился Архипов.

– Владимир Петрович, вы не могли бы к нам подъехать? Мы работаем каждый день до пяти часов без перерыва на...

– Зачем?

– Зачем подъехать? – переспросил догадливый нотариус Грубин. – Это по поводу кончины Елизаветы Григорьевны Огус. Вам что-нибудь говорит это имя?

– О да, – согласился Архипов.

– Мы должны ознакомить вас с завещанием покойной.

– Зачем?

– Таков порядок, – несколько растерялся Леонид Иосифович. – Мы всегда знакомим...

– Простите, – перебил его Архипов, – это я все понимаю, только при чем тут я?

– Наряду со всеми, кто упомянут в завещании. Со всеми остальными наследниками.

– Господи, – пробормотал Архипов испуганно, – я что, наследник?

И оглянулся на Машу с Максом. Они стояли друг перед другом, напоминая собой манекены, которым по ошибке придали нелепое и странное положение, какого не может быть у людей, да так и оставили.

– А почему вас это удивляет? – осторожно поинтересовался юрист. – Вы ведь Архипов Владимир Петрович? Проживаете по адресу Чистопрудный бульвар, дом пятнадцать, квартира восемь?

– Совершенно верно.

– Значит, никакой ошибки, – констатировало облеченное законом лицо. – Это именно вы.

– Я знаю, что это именно я, – согласился Архипов.

– Так... когда вам удобно подъехать, Владимир Петрович? Завтра, может быть? Или сегодня получится?

– А... остальные наследники уже ознакомились с завещанием?

– Боюсь, что это конфиденциальная информация.

– Ах да, – спохватился Архипов. – А сколько их всего?

– Еще один человек.

– Тюрина Мария Викторовна? Нотариус помолчал.

– Да.

– Понятно.

– Что случилось? – издали спросила Маша.

– Одну минутку, – попросил Архипов Леонида Иосифовича, – мы проведем короткий брифинг. Маша, это звонит нотариус Грубин из юридической консультации по поводу завещания вашей тети. Почему-то я тоже должен явиться. Вы... поедете со мной?

– С вами? – переспросила она с сомнением. Как будто не понимала, о чем именно он ее спрашивает.

Архипов вздохнул нетерпеливо:

– Вы ознакомились с завещанием, черт бы его взял?!

– Нет еще...

– Очень хорошо. Сегодня вы не работаете?

– Нет, но...

– Очень хорошо. Леонид Иосифович, мы приедем сегодня к трем часам вместе с госпожой Тюриной, главной наследницей. Вас это устраивает?

– Да, – откликнулся нотариус, – безусловно.

«Да» было произнесено, как «нет», а «безусловно» – как «ни в коем случае».

– Давайте адрес.

И Архипов старательно записал его на отрывном листочке.

Когда он положил трубку, оказалось, что Макс Хрусталев все так же таращит недоумевающие глаза, а его сестрица все рассматривает его, как будто выискивает того, кто, сидя в коляске, мусолил свою половину рогалика. И не может найти.

– Садись, – приказал Архипов Макс. – Когда ты стоишь, мне хочется дать тебе горн.

– Чего?

– Пионерский горн.

– Зачем мне... горн?

– Трубить. Садись, кому говорю.

Макс приблизился к высокому стулу, кое-как влез на него и устался на клубнику.

– Ешь, – быстро сказала Маша, – это Владимир Петрович меня угостил. Можно ему... поесть, Владимир Петрович?

– Идите вы к черту, Мария Викторовна, – пробормотал Владимир Петрович, доставая сковородку, молоко и яйца.

– Как ты меня нашел? – Она устроилась рядом и подсунула Макс. миску с клубникой. – Я бы тебя узнала. По ушам. Я хорошо помню твои уши. Где ты взял адрес?

– У матери утащил. Она часто говорит, что Манька в Москву укатила и знать нас не хочет, один адрес только от нее и остался. Говорит, она тебя вырастила, жизнь положила, а ты ей в душу плюнула. То есть вы. Как сыр в масле катается, а мы тут хоть пропадай. Это она так про тебя. Про вас то есть.

– Давай лучше на «ты». Все-таки я твоя сестра.

– Давай на «ты», – согласился Макс без энтузиазма. Видно было, что он как-то не так представлял себе эту встречу, если вообще как-нибудь представлял.

Сделав равнодушное лицо, Архипов взбалтывал омлет из четырех яиц с сыром и беконом. Сыра и бекона было так много, что взбивалка двигалась с некоторым трудом.

– А бабушка? Жива?

– Жива-а! Только она теперь старая совсем.

– Не может быть, чтоб совсем! Ей должно быть лет семьдесят семь или восемь, не больше.

Макс посмотрел на сестрицу подозрительно.

– Так разве ж молодая?

Она засмеялась:

– Почему ты не ешь? А мать знает, что ты в Москву укатил?

Макс Хрусталев предпочел вопроса не слышать, из чего следовало, что мать ничего не знает.

– А если бы мы переехали? Что бы ты тогда делал?

Он вдруг удивился:

– Не знаю.

– А написать сначала ты не мог? Как-то предупредить?

– Если б я предупредил, мать бы узнала и ни за что не пустила. И ты бы не разрешила. То есть вы.

– А почему ты ночью приехал?

– Дак поезд так приехал, а не я! И старикашка долго не спал.

– Какой... старикашка?

– Гурий Матвеевич, – подсказал Архипов и поставил перед Макс. тарелку с диковинным омлетом. Омлет был размером со спутник планеты Уран. – Гурий Матвеевич не пустил бы. По крайней мере, Макс думал, что не пустит. Вот сидел под окном и ждал, когда тот уснет, а потом влез.

– Руку порезал. Во! – И Макс с гордостью показал правое запястье.

На запястье был узкий глубокий разрез, длинный, свежий, но уже воспаленный. Вчера Архипов его не заметил.

Маша моментально изменилась в лице.

Была сочувствующая родственница, стала медсестра пятнадцатой горбольницы.

– Это надо немедленно продезинфицировать и заклеить. Немедленно, слышишь?

– Клеить и дезинфицировать надо было вчера, – перебил Архипов, – сегодня уже поздно. Если он заразился столбняком, значит, в скором времени... остолбенеет.

Он принес Максу чашку, поставил перед ним сахарницу – отсчитывать шесть ложек – и сам внезапно остолбенел.

Омлет размером со спутник планеты Уран исчез с тарелки. Макс дожевывал последний кусок, который свешивался с двух сторон его рта, как колбаса, которую отец Федор утащил у Остапа.

Архипов развеселился.

В холодильнике имелись еще йогурты – щегольские и аристократические даноновские баночки, голова голландского сыру – твердого, в красной коже из аппетитного воска, остатки бекона и колбаса.

Архипов вынул сыр, бекон и колбасу, благоразумно рассудив, что кормить Макса Хрусталева даноновскими йогуртами экономически невыгодно и вообще как-то... бессмысленно.

– А что ты собираешься тут делать? В Москве?

– Как – что? – удивился Макс. – Гостить. Лето впереди, учиться не надо.

– Ты... в какой класс перешел?

Макс скривился и сделал неопределенный жест рукой, который мог означать что угодно.

– В одиннадцатый. Да пошла она, эта школа!..

– Ты что, бросил школу?! – перепугалась Маша, и он решил не говорить ей, что у него теперь новая жизнь и дурацкая школа не имеет к ней никакого отношения.

Зачем зря болтать? Все равно обратно он не вернется. Никогда. Никто его не уговорит.

Бабушка скоро умрет, а без нее – что ж? Без нее совсем пропадать. И чего это Манька говорит, что она... молодая? Какая же она молодая, семьдесят с лишком? И мать всегда у нее спрашивает: «Когда помрешь, старая?»

– А в квартиру как попал?

– Вошел. Дверь была открыта, я и вошел.

– Вот, – встрял в разговор Архипов и уселся напротив, – вот об этом я и говорю, дорогая Мария Викторовна. Именно о двери.

– Чего это вы ее... по отчеству?

– Из уважения.

– А-а...

– Бэ-э...

Воцарилось молчание. Макс ел хлеб, колбасу и сыр. Он брал хлеб, клал на него сыр, а сверху накрывал колбасой. Как только хлеб кончался, он отхлебывал чай, смотрел виновато – не на Архипова с Машей, а на еду, как будто просил у нее извинения, – и брал следующий кусок, и снова сооружал башню из колбасы и сыра.

– Ты что? Давно не ел? – спросила наконец сестра.

– Вчера, – ответил брат с набитым ртом, – ужинал вчера.

– А до этого ужинал на прошлой неделе, – равнодушно сообщил ей Архипов.

– Как... на прошлой неделе? Почему... на прошлой неделе?

– Меня мать не кормит больше. Уж давно! С осени. Говорит, что я ее деньги прожирю, а сам дубье стоеросовое и отребье.

Мария Викторовна Тюрина только моргала.

– Меня бабушка кормит. Только у нее пенсия маленькая.

– Как же ты... живешь?

– Нормально, – вдруг ошетилившись, выпалил Макс, – мне ничего не надо. И никого не надо. Ты не думай, я к тебе проситься не стану! К вам то есть. Я только повидаться приехал, а потом я уеду...

– Бедный ты мой.

Она неожиданно обняла его за голову и поцеловала в макушку, в чистые волосы, вымытые архиповским шампунем. Он не вырывался, но у него сделалось напряженное, злое лицо, и даже Архипову стало ясно, с каким трудом он терпит ее прикосновения.

Года три он мечтал о том, как найдет ее. Не то чтобы это были какие-то определенные мечты, но все же ему очень хотелось.

Бабушка рассказывала, что у него есть сестра, а эта сестра очень любила его, маленького. Он-то ее совсем не помнил, ну вот нисколько. Потом ему стало казаться, что начал вспоминать – какой-то холодный парк, дождь, беретка с красным помпоном. Что-то радостное было в этом красном помпоне, ожидание ласки или какого-то простенького веселья.

Нет, ничего он не помнил.

Мать не любила его, он очень рано это понял. Он был обузой, тяжелым грузом, который отец навязал ей, а сам бросился под поезд. Отцу оказалось легче всех – он перестал *быть*, только и всего. А Макс остался – почти совсем один.

Была еще бабушка, но она не брала его к себе, только подкармливала и рассказывала, что у него есть сестра. Почти родная сестра в Москве – как будто в раю. И сестра представлялась ему райской феей. Макс не знал, есть в раю феи или нет, да ему и наплевать на это. Он был уверен, что стоит только ему найти ее, и все станет превосходно. Он не ожидал, что она окажется такой... обыкновенной, даже не слишком красивой, такой усталой, ничуть не похожей на фею.

Разочарование было холодным и огромным, как северное море. Макс по-собачьи плавал в нем и замерзал, замерзал...

Зря он мечтал о ней так долго.

Ее сосед – здоровенный, плечистый, насмешливый – вот кто поразил Максово воображение.

Он похож на скандинавского бога Тора, которого Макс видел на картинке в учебнике истории. Кто-то из жаждущих знаний еще до Макса подрисовал Тору ослиные уши и серьгу в носу, но общий вид все равно был очень величественный. Сосед со своей громадной палевой собачищей, на ошейнике у которой зловеще и многозначительно поблескивали железные кнопки, с длинным носом, белыми бровями и кривым ртом – когда он улыбался, рот кривился в сторону, – был в точности этот самый Тор. Только молотка не хватало.

И он не выгнал Макса на улицу, хотя мог, дал еды, уложил спать! Только вот бабские штучки в ванной очень его оскорбили. Что это за Тор, который поливается одеколонами и мажется кремами!

...Как ему теперь поступить? Он не знал.

Последняя надежда рухнула. Сестра нашлась, и все. Больше не осталось ничего, о чем стоило бы мечтать.

– Хорошо, – сказал Тор, – давайте дальше. Слышите, Маша?

– Что?

– Кто мог открыть вашу квартиру? Ключом? У кого могут быть ключи?

Она вздохнула и подышала себе в ладони.

– У соседей есть запасные ключи. Тетя им оставляла на всякий случай. Когда я начала работать в больнице, меня стали на работу вызывать в... неурочное время. Я пару раз забыла ключи, а потом ждала ее по три часа. Вот мы и отдали соседям ключи.

– Каким соседям? Мне?

– Нет, не вам. – Она удивилась. – Не вам, а Гавриле Романовичу и Елене Тихоновне. Елена Тихоновна тете уколы делала, когда я дежурила. Она всегда приходила и открывала сама,

чтобы тетя не вставала. Она раньше врачом работала. Только вряд ли соседи к нам залезли, Владимир Петрович.

– У соседей ключи могли украсть, – неторопливо предположил Архипов, – если ваши все на месте. Ваши на месте?

– Мои да. А тетины... не знаю.

– Нужно посмотреть. И еще вам нужно поменять замки.

Тут что-то с ней случилось, Архипов так и не понял, что именно. Внезапно, прямо в одну секунду, она потеряла интерес к разговору и превратилась в ту Машу Тюрину, от которой он вчера тщетно пытался двух слов добиться.

Вспомнила о чем-то, что *запрещало* ей разговаривать с ним?

– Мне ничего не нужно, – холодно заявила она. – Макс, ты доел? Мы должны идти.

– Послушайте, Маша...

– Спасибо, Владимир Петрович. Большое вам спасибо. И за Макса, и за меня.

Архипову показалось, что она сейчас дернет брата за рукав и велит: поблагодари дядю.

– Что, черт побери, вы делаете?!

– Ухожу, – ответила она, приостановившись. Кожаная тужурка свешивалась с одного плеча.

– Никуда вы не пойдете, пока мы не договорим до конца!

– Мы уже... договорили.

Он смотрел ей в глаза – одно мгновение – и отвернулся.

Маша растерянно потрогала затылок, удостовераясь, что в черепе нет дыры.

Дыры не было.

– До свидания, Владимир Петрович.

– Пока.

Она покосилась на внушительную спину и неожиданно предложила:

– Давайте я вымою посуду?

Больше всего на свете ей хотелось, чтобы он согласился.

– Спасибо, не нужно. – Он внезапно развеселился. – Вы очень любезны. В половине третьего я жду вас в своей машине. Знаете мою машину?

– Н-нет...

Архипов понял, что «нет» относится как к машине, так и к тому, что он будет ждать ее в половине третьего.

– Я не собираюсь завлечь вас в лес и воспользоваться вашей неопытностью, – холодно заявил он. Брат Макс коротко хрюкнул в кулак, оценив юмор. – Я собираюсь отвезти вас в нотариальную контору.

– Ах да...

– Да. Моя машина называется «Хонда» «Си-Ар-Ви». Госномер 232 XX 99.

– Зачем мне ваш... госномер?

– У меня-то как раз госномера нет, – неторопливо сказал Архипов, – только у моей машины.

– Джип, что ли? – сунулся Макс.

Беловолосый Тор продолжал обожествляться с каждой минутой.

– Джип. Найдете?

– Спасибо, Владимир Петрович.

Из спальни вышел Тинто Брасс и замер, вопросительно склонив башку.

– Гости уходят, – объяснил ему Архипов.

Тинто проинформировал хозяина, что все понял, и спросил, какого черта Архипов не ведет его на улицу.

– Сейчас пойдем.

– Куда? – встрепенулась Маша Тюрина, как бы по-прежнему опасаясь, что он собирается «завлечь ее в лес».

Архипов потрепал свою собаку по складчатому загривку.

– Мы с Тинто пойдем бегать.

– А вам разве не нужно на работу?

– Нужно. Но у меня масса разных других дел. Ваш брат, например. Ваш замок. Юридическая консультация.

– Простите...

– Все в порядке. Но было бы лучше, если бы я знал, с чем именно имею дело.

Он сказал это так, что Маша Тюрина в изумлении уставилась ему в лицо.

Все это время он разговаривал с ней, как взрослый дяденька с ученицей школы для отстающих. Он был насмешлив, весел, как птичка, снисходителен и важен. Она не могла взять в толк, почему он так о ней печется, и поняла, только когда он сказал про обещание и расписку.

Дело в обещании, а вовсе не в ней самой.

Даже из могилы тетя оберегала и охраняла ее!

«Если бы я знал, с чем имею дело» он сказал совсем другим тоном.

Нет никакого доброго дяденьки и никогда не было – он прикидывался и очень ловко ее обманул.

Был равнодушный, холодный, властный человек, которому навязали чужие проблемы.

Почему она так легко принимала его заботы?! Даже хотела все ему рассказать, поплакаться в жилетку, попросить совета!

Какого еще совета она станет у него просить?!

Никто и ничем не сможет ей помочь. Никто не помог тете, и тетя погибла, а она была намного, намного сильнее!

Зачем же приехал мальчик?

Все, что угодно, но мальчик не должен знать. Он не должен знать, и его надо спасти.

Ему был год, он сидел в коляске, а она везла его по булыжнику – та-ра-ра, стучали колеса, та-ра-ра, – и он был единственным, кого она любила.

Пусть ему не год, но она должна его спасти.

Макс шел в нотариальную контору в первых рядах. Архипов был убежден, что так и случится – сам побежит и Марию Викторовну за собой потащит, – когда объявлял марку своей машины.

Архипов только спустился во двор, а Макс уже мыкался возле железных гофрированных ворот.

Года два назад усилиями Архипова и еще двух энтузиастов-подвижников, которые почему-то дорожили своими машинами, глухая каменная западня между двумя дворами превратилась в крохотную стоянку. Ямы заасфальтировали, купили фонари, провели электричество и установили ворота. Лена Шумейко из третьей квартиры привезла две кадучки с елочками и какую-то круглую штуковину с цветами. Елочки и цветы установили под стену – получилась красота, Европа, и никаких ночных бдений возле автомобилей.

Правда, бабушки-старушки и дедки-пенсионеры написали в префектуру пару-тройку гадких писем – засилье, мол, капитализма, детям негде играть, и вообще вырубка деревьев и экологическая катастрофа, – но даже проверяльщики из префектуры, войдя в западню, поняли, что стоянка лучше, чем помойка и бомжатник – ни на что другое западня все равно не пригодна, – и быстро отвязались.

Архипов очень гордился собой, когда ставил свою машину на крохотный пяточок с цифрой «восемь» – номер его квартиры.

Чем не Париж, когда есть собственный пяточок с номером?

Мария Викторовна явилась все в той же тужурке и тех же джинсах, а Архипов внезапно решил, что без него родная контора больше не протянет ни минуты, и нарядился в офисный костюм.

Завидев костюм, Мария Викторовна оробела.

Архипов кивнул издали, нажал кнопку – над воротами мигнула лампочка, сигнализируя, что ворота поняли, что именно должны делать, и стали медленно открываться.

– Во дает! – неизвестно в чей адрес сказал Макс и плюнул себе под ноги.

Архипов прошествовал внутрь и через десять секунд с известным шиком подкатил к Марье Викторовне и ее непосредственному брату.

– Садитесь.

– Макс, хочешь на переднее сиденье?

– Ага.

Он очень старался выглядеть сдержанным и солидным, но все время улыбался детской бессмысленной счастливой улыбкой, как будто неожиданно получил подарок, о котором даже мечтать не смел.

Жаль, пацаны не видят. Ни Жека, ни Колян, никто.

Эх, если бы они знали, на чем он сейчас едет!

– А это чего?

– Чего? – уточнил Архипов.

За последнее время он как-то особенно полюбил это слово.

– Ну... вот.

– Задний ход.

– На руле?!

– А где же?

– Так это чего? Автомат?

– Если ты о коробке передач, то да. Автомат.

– Ну ва-аще! – протянул Макс и оглянулся на сестрицу. Глаза у него горели, как у кота. – Ва-аще, да?

– Я не люблю автоматическую коробку, – зачем-то поделился с ним Архипов. – Учиться хорошо, а просто так ездить... неинтересно.

– А вы когда научились?

– Давно. Меня отец научил, когда мне было лет тринадцать, что ли.

– Скока?!

– Тринадцать.

– Во дает! Манька, он с тринадцати лет машину водит!

– Я не вожу машину с тринадцати лет. В тринадцать лет я только научился.

– Во дает!

Архипов был уверен, что Макс умер бы от счастья, если бы вместо нотариальной конторы они поехали в Питер, а лучше в Челябинск, но они очень быстро приехали.

Грубин Леонид Иосифович помещался на втором этаже, о чем свидетельствовала табличка с надписью, и охранник подтвердил – на втором.

Перед последним поворотом коридора Маша, все время шедшая впереди, так что Архипов не видел ее лица, вдруг обернулась, схватила Владимира Петровича за рукав и толкнула к подоконнику.

– Что такое?!

– Я прошу вас, – прошипела она ему в лицо, – я умоляю вас... Когда вы услышите завешание... пожалуйста... пожалуйста...

– Да в чем дело?!

Макс вышел из-за угла и завертел головой, отыскивая их.

– Мы здесь! – крикнула она и повернулась к Архипову. – Пожалуйста... ничего не говорите, не удивляйтесь и ни во что не вмешивайтесь. Обещайте мне!

– Что... обещать?

Она была очень высокой, Маша Тюрина, только чуть ниже его. Слишком близко от него были глаза, нежная бледная скула и губы, говорившие что-то – он не слушал, что.

– Обещайте мне, Владимир Петрович! Тем более мальчик тут... приехал.

– Я обещаю, – произнес Владимир Петрович сквозь некоторый звон в голове.

Произнес просто потому, что она просила его об этом.

...Как же это так – он думал, что ей пять лет? Почему же раньше-то он никогда ее не видел? И Лизавета не предупредила!

...Как бы она стала его предупреждать – вот вопрос! «Вы знаете, Владимир Петрович, вполне возможно, что, едва увидев девочку Машу, вы немедленно захотите с ней... ее...»

Между лопатками стало мокро. Маша еще посмотрела на него, подышала рядом и – отвела глаза, отвернулась, отстранилась, как будто выпустила его из камеры на живую травку.

Опасность миновала. Вот пуля пролетела и – ага!

Архипов достал носовой платок, бессмысленно промокнул им лоб и сунул в карман.

Что такое она шептала ему в лицо? «Обещайте, не удивляйтесь, не предпринимайте, мальчик тут!»

О чем, черт возьми, шла речь?

Брат и сестра смиренно стояли у кожаных богатых дверей с латунной табличкой, извещавшей, что здесь обитает нотариус Грубин Леонид Иосифович. Архипов подошел – они расступились, и правильно сделали, потому что он был вожак, – и решительно потянул тяжелую створку.

Леонид Иосифович оказался представительным мужчиной средних лет с темными быстрыми глазами и хищным носом.

– Архипов Владимир Петрович?

– Он самый.

– Пожалуйста, проходите. Это ваша семья?

Где семья?! Какая еще семья?! Нет у него никакой семьи! Была и вся вышла!

Почему-то он не сразу сообразил, что речь идет о сестрице Аленушке и братце Иванушке.

– Это госпожа Тюрина Мария Викторовна, – представил он, – а это ее брат. Так что все в сборе, можем начинать... установленную законом процедуру.

Услышав про процедуру, нотариус взглянул на Архипова подозрительно – как будто тот внезапно пожелал занять его место.

– Давайте пройдем туда, – и он сделал приглашающий жест в сторону еще каких-то дверей, – там нам будет удобнее. К сожалению, полчаса назад открылось некое обстоятельство, о котором ранее я не был осведомлен, и вот теперь...

Маша Тюрина вдруг крепко взяла Архипова за кисть. Рука была холодной и жесткой, как будто натертой наждачной бумагой. Архипов с некоторым изумлением посмотрел на свою кисть, которую она стискивала сильными ледяными пальцами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.